УДК 902/904

История изучения славяно-русских памятников Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья

© 2016 г. ***Роман Прокофьев***

В статье представлен подробный историографический обзор всех известных на сегодняшний день славяно-русских памятников Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья VIII – XIII вв. К раннесредневековым славянским поселениям относятся Саркел, Ближняя Мельница, Богоявленская, Полное, Закатное I и, предположительно, Масаловское IX и Журавка. Памятники с древнерусскими материалами – Белая Вежа, поселение в устье р. Донская Царица, Потайновское, Караул, Длинное, Богатов I, Золотовское, Раздорская, Багаевская, Кобяково, Донецкая крепость, Мокро-Чалтырское, Приморка II, Куричи, Самбек, Таганрогское, Носово-СТФ, Семеновская крепость, Натальевка I, Рогожкино XII, Донской I, Петровский, Азак, Казачий Ерик, Койсугское поселение и могильник Мартышкина Балка. Анализируя результаты работ прошлых лет, констатируется разная степень изученности указанных памятников. Отмечается недостаточность как источниковой базы, связанная с малыми объемами раскопочных работ, так и в целом слабое осмысление уже накопленных данных, связанное с неполнотой публикуемых материалов и нерегулярностью обращения исследователей к данной проблематике. Особое место уделено Саркелу – Белой Веже, как наиболее значимому памятнику, послужившему отправной точкой в исследовании славяно-русских древностей региона. Рассматривается вопрос о причинах и характере проникновения славян на Нижний Дон.

Ключевые слова: *Нижний Дон, Северо-Восточное Приазовье, эпоха средневековья, славяно-русские памятники, Древняя Русь, Хазарский каганат, роменская культура, боршевская культура, поселение, могильник, полуземляночное жилище, печь-каменка, глинобитная печь, гончарная печь, кузнечное ремесло, лепная керамика, гончарная керамика, поливная керамика, амфора, стеклянный браслет.*

Отсутствие полноценного современного обзора славяно-русских памятников Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья VIII – XIII вв. (рис. 1) привело на нынешнем этапе к появлению ряда публикаций по данной проблематике с весьма претенциозными выводами, мало подкрепленными фактическим материалом. И если одни из этих публикаций представляют собой пробные студенческие опусы [Андреев О.И., 2012], то в основу других [Дулимов Е.И., Цечоев В.К., 2001] положены защищенные диссертационные работы [Цечоев В.К., 2000]. В этой связи очертить круг реальных археологических источников и связанных с ними проблем представляется актуальной задачей.

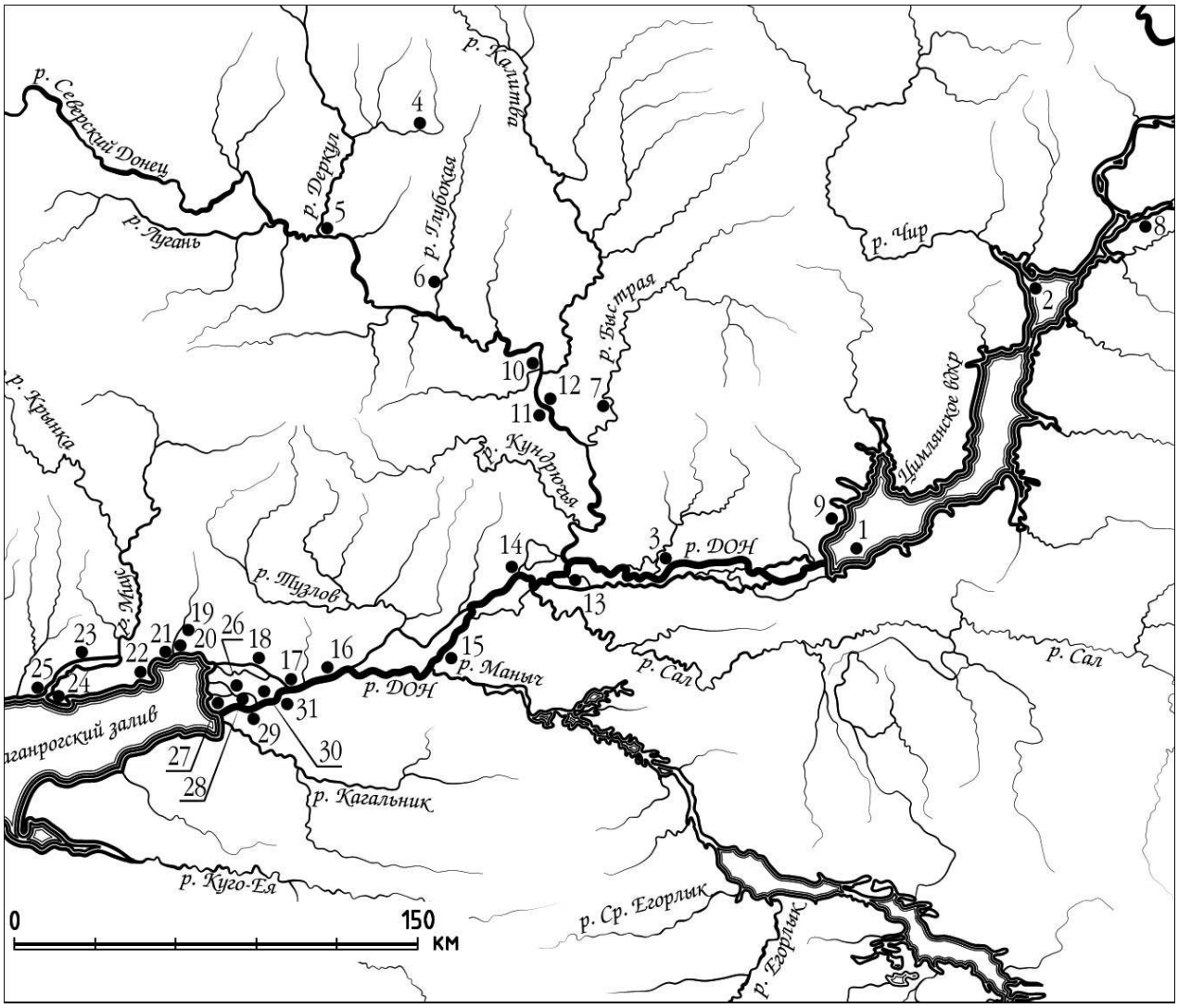

Рис. 1. Славяно-русские памятники Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. *Славянские поселения:* 1 – Саркел, 2 – х. Ближняя Мельница, 3 – ст. Богоявленская, 4 – Полное, 5 – Закатное I. *Предположительно славянские поселения:* 6 – Масаловское IX, 7 – Журавка. *Поселения с древнерусскими материалами:* 1 – Белая Вежа, 8 – в устье р. Донская Царица, 9 – Потайновское, 10 – Караул, 11 – Длинное, 12 – Богатов I, 13 – Золотовское, 14 – ст. Раздорская, 15 – ст. Багаевская, 16 – Кобяково, 17 – Донецкая крепость, 18 – Мокро-Чалтырское, 19 – Приморка II, 20 – Куричи, 21 – Самбек, 22 – Таганрогское, 23 – Носово-СТФ, 24 – Семеновская крепость, 25 – Натальевка I, 26 – Рогожкино XII, 27 – Донской I, 28 – Петровский, 29 – Азак, 30 – Казачий Ерик, 31 – Койсугское и могильник Мартышкина Балка.

Начало изучения славяно-русских древностей Нижнего Дона связано с Левобережным Цимлянским городищем. Считается, что еще в 1743 г. посланный по высочайшему указу из Петербурга инженер-капитан Иван Сацыперов провел осмотр памятника и снял его план [Лунин Б.В., 1962]. Однако, в опубликованных материалах посвященного этому событию дела РГАДА речь идет о Правобережном городище [Коршиков Н.С., Миненков Н.А., 1999, с. 86 – 89]. Упоминание в этом контексте Левобережного городища является грубой ошибкой, к сожалению, повторяемой и в работах недавнего времени [Дулимов Е.И., Цечоев В.К., 2001, с. 45; Цечоев В.К., 2000, с. 35].

Первые сведения о памятнике, со слов безымянного казачьего атамана,

были записаны в 1769 г. академиком И.П. Фальком: «при левом береге Дона, но не близко от онаго и у едва приметнаго бывшаго рукава реки (старицы) видны ... остатки вала, рва и каменных домов. Сей город был менее перваго (Правобережного городища – *Р.П.*). Атаман Донских козаков Ефремов ... велел обоим городам сделать чертежи геодезисту» [Полное собрание ученых путешествий.., 1824, с. 55].

Начиная с 1780 г., жители станицы Цимлянской постоянно брали из развалин Левобережного городища кирпич на постройку домов или на продажу [Попов Х.И., 2005, с. 327]. При этих работах добытчикам встречались и древние находки, о нескольких из которых сохранились упоминания. Так, в 1801 г. английский путешественник и писатель Эдвард Даниэль Кларк (1769 – 1822) видел происходящие из Левобережного городища два мраморных столба и часть гранитной колонны в доме генерала Орлова в Черкасске [Артамонов М.И., 1935, с. 12; Крылов А.Л., 1889, с. 28]. В 1823 г. хранитель эрмитажного минц-кабинета академик К. Келлер (Кёлер), вернувшись из путешествия по югу России, получил из Ростова монету, предположительно происходящую из Левобережного Цимлянского городища [Ильин А.А., 1924, с. 11; Сотникова М.П., 1971, с. 150; Спасский И.Г., 1978, с. 185; Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1983, с. 57], позднее определенную И.И. Толстым как сребреник князя Владимира четвертого (последнего) типа [Толстой И.И., 1882, с. 41, 42].

В связи со столь интересными находками с 20-х годов XIX в. Левобережным Цимлянским городищем заинтересовались местные донские историки и краеведы, вероятно, проводя здесь небольшие и уже более-менее научные раскопки [Артамонов М.И., 1935, с. 8]. Сохранились сведения о раскопках городища донским казаком, выпускником Харьковского университета, А.К. Кушнаревым [Коршиков Н.С., Миненков Н.А., 1999, с. 84]. В 1824 г. его осматривает В.Д. Сухоруков, автор «Исторического описания войска Донского», по распоряжению которого городище было исследовано, описано и нанесено на план одним из его сотрудников при участии землемера. К сожалению, уже к концу XIX в. эти материалы были утрачены [Попов Х.И., 2005, с. 327].

Прошлым донского края в ту пору живо интересовался и Правитель канцелярии Межевой комиссии Области войска Донского казачий полковник В.М. Пудавов, который в духе инструкций для геодезистов В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова и рекомендаций Сената землемерам 1771 г. [Формозов А.А., 1986, с. 21] настоятельно просил землемеров при проведении межевания составлять планы и описания всех виденных ими курганов, возвышений и прочих достопримечательностей. В соответствии с этой просьбой землемером Степаном Сулиным в 1844 г. было составлено довольно подробное описание Левобережного Цимлянского городища и снят его план [Пудавов В.М., 1890, с. VI – VIII]. На основании этого плана членом комиссии по устройству Донского музея Е.Т. Решетовским был изготовлен рельефный макет городища. По счастью, эти план и макет сохранились и позднее были опубликованы [Артамонов М.И, 1958, с. 8, рис. 1; Попов Х.И., 2005, с. 325, рис.69, с. 327, 328].

В 1860 г. на городище были произведены небольшие раскопки местным археологом-любителем Чаусовым [Артамонов, 1935, с.8], сведения о городище были представлены на I Археологическом съезде Х.И. Поповым [Попов Х.И.,

1871, с. 169, 170], а в 1874 г. его обследовал А.Л. Крылов [Крылов А.Л., 1889, с. 28].

В итоге исследований местных краеведов мы имеем довольно подробные описания Левобережного Цимлянского городища по состоянию на XIX в. Этими работами были определены общие очертания и структура крепости, установлены ее размеры и система фортификации, материал, из которого она была воздвигнута, получены самые общие данные о стратиграфии памятника и составе культурного слоя, был сделан ряд интересных находок [Артамонов М.И., 1935, с. 10, 11; Крылов А.Л., 1889, с. 53; Попов Х.И., 2005, с. 327 – 328; Пудавов В.М., 1890, с. VI – VIII; Спасский И.Г., 1978, с. 183 – 187]. В этой связи интересно отметить наблюдение В.М. Пудавова, что на пространстве между крепостной стеной и рвом были различимы следы жилых строений [Пудавов В.М., 1890, с. 126], позволяющие предположить наличие здесь обширного посада. Большое значение для последующих исследований имели и составленные в ту пору планы памятника.

Однако главным итогом исследований Левобережного городища этого периода стала постановка вопроса о его соответствии известным по письменным источникам хазарской крепости Саркел и русскому городу Белая Вежа. Вообще вопрос о локализации Саркела имеет довольно давнюю историю. Еще в XVIII в. Ж.Н. Делиль, а вслед за ним Г.З. Байер и др. приурочивали его к г. Белгород на р. Северский Донец [Лерберг А.Х., 1819, с. 324; Шабельской Л., 1848, с. 287], а позднее Ф.К. Брун – к Белосарайской косе на северном берегу Азовского моря [Брун Ф., 1879, с.143, 144], но ко второй половине XIX в. в науке утвердилось мнение, что Саркел следует искать на р. Дон. Академик А.Х. Лерберг определял его местоположение в районе Черкасска [Лерберг А.Х., 1819, с. 370]. Н.М. Карамзин, отдельно интересовавшийся Саркелом [Погодин М., 1866, с. 47, 55], размещал его у станицы Качалинской, в месте наибольшего сближения Дона с Волгой [Карамзин Н.М., 1830, с. 22], в чем за ним следовал и профессор Казанского университета В.Я. Булыгин [Булыгин В., 1836, с. 289]. П.Г. Бутков видел место Саркела при слиянии Северского Донца с Доном на горе над станицей Раздорской [Бутков П.Г., 1840, с. 283 – 285], Б.А. Дорн – на Среднем Дону значительно выше станицы Качалинской [Дорн Б., 1875, карта 1, врезка], П.О. Бурачков [Бурачков П., 1877, с. 124] – на левобережье Дона при впадении его в Азовское море, П.М. Леонтьев – также в районе переволоки, но между ст. Качалинской и Григорьевской, А.А. Мартынов – у ст. Трех-Островянской [Крылов А.Л., 1889, с. 28], В.Г. Васильевский – в устье Дона [Васильевский В.Г., 1889, с. 273], В.М. Пудавов Саркелом считал Правобережное Цимлянское городище [Пудавов В.М., 1890, с. 127], а В.Д. Сухоруков – Левобережное [Сухоруков В.Д., 1903, с. II].

В итоге к 80-м годам XIX в. проблема локализации Саркела была столь же актуальна, сколь и запутана. Весной 1883 г. на заседании комиссии Московского археологического общества (МАО) из многих регионов России был выбран Дон как местность, при археологических изысканиях могущая дать наиболее интересный материал. Было решено для определения местоположения Саркела организовать здесь специальную экспедицию во главе с В.И. Сизовым, которая и отправилась на Дон в ближайшее лето (1883 г.) [Сизов В.И., 1889, с. 273, 274].

После археологической разведки и осмотра ряда мест, претендующих на роль Саркела (у Калача, станиц Голубинской, Качалинской и Каменской), В.И. Сизов остановил свой выбор на Левобережном Цимлянском городище и уже под конец экспедиции произвел здесь небольшие по объему трехдневные раскопки, открывшие кирпичные стены крепости и давшие большое число мелких находок. Результаты этих работ показались членам МАО настолько интересными, что было решено раскопки городища на следующий (1884) год продолжить. В этот раз работы затянулись уже на две недели [там же, с. 274].

Инженером Поповым был снят новый план памятника с обозначением всех заложенных на нем траншей, который был опубликован в виде приложения к статье В.И. Сизова. В траншеях были открыты остатки кирпичных стен крепости, а также два близко расположенных к поверхности погребения, в инвентаре одного из которых содержалось два медных креста-складня. Еще одно погребение было исследовано под насыпью раскопанного кургана [там же, с. 275 – 277]. На городище В.И. Сизовым отмечается наличие двух строительных горизонтов. Верхний он связывает с «какой-либо осевшей ордой», а для нижнего в качестве характерной черты отмечает византийскую манеру строительства. В составе находок он также видит значительное разнообразие, которое может свидетельствовать о нескольких оставивших их народах [там же, с. 276]. Город, по мнению В.И. Сизова, имел торговое значение и вел активные сношения с Русью, хотя для начального периода его истории отмечается влияние византийства [там же, с. 278, 279].

В целом, несмотря на значительные результаты, эти раскопки так и не смогли прояснить вопроса о местонахождении Саркела [Попов Х.И., 2005, с. 331], а доклад о них вызвал новую дискуссию. Д.И. Иловайский считал, что исследованное В.И. Сизовым городище следует отождествлять с упоминаемым Джованни дель Плано Карпини (XIII в.) богатым торговым городом Орна или Орнач [Древности.., 1885, с. 76] (на самом деле под этим названием фигурирует столица Хорезма город Ургенч, что было установлено современными издателями «Истории монгалов» [Джованни дель Плано Карпини.., 1997, с. 387, прим. 80]), а Саркел следует искать в районе Калача [Древности.., 1885, с. 61, 74 – 76]. Н.И. Горожанский помещал Саркел в междуречье Дона и Сала, поскольку этот район представлялся наиболее удобным в военно-стратегическом отношении для обороны [там же, с. 66]. Сам автор раскопок В.И. Сизов считал, что, если на основании незначительного объема работ еще нельзя твердо отождествлять Левобережное Цимлянское городище с Саркелом, то, по крайней мере, материалы этих раскопок выделяют его среди других памятников, тогда как топография прилегающей местности не противоречит сведениям письменных источников о Саркеле [там же, с. 61].

Спустя два года после раскопок В.И. Сизова на Дону случился неурожай, и зимой 1886 – 1887 гг. жители окрестных хуторов, «нуждаясь в продовольствии, а отчасти подстрекаемые и кладоискательством», возобновили хищнические раскопки Левобережного городища с целью добычи кирпича на продажу. Эти раскопки приобрели почти промышленный размах. Так, одним только купцом Сивяковым в ту пору было приобретено порядка 16 тысяч древних кирпичей. Местная станичная власть, по незнанию, полагая археологические исследования

городища завершенными, разграблению памятника не препятствовала, а окружная – находилась в неведении. Когда же слухи о том наконец достигли Новочеркасска, войсковое начальство распорядилось дальнейшее расхищение городища прекратить. На место в 1887 г. был откомандирован художник В.В. Часовников [Попов Х.И., 2005, с. 331] (позднее, в 1902 г. принявший постриг и ставший иеромонахом Авраамием), составивший описание очертаний, размеров и составных частей городища [Часовников В.В., 1888, с. 12] и проведший там небольшие раскопки [Артамонов М.И., 1935, с. 11].

В северной части крепости В.В. Часовниковым были выявлены остатки монументального здания, сложенного из четырехугольных плит белого известняка правильной формы, чередующихся с кирпичной кладкой. В районе этого сооружения местными жителями были найдены два обломка мраморных колонн и мраморная капитель. Обнаруженное сооружение В.В. Часовниковым трактовалось как остатки христианского храма [там же, с. 11; Попов Х.И., 2005, с. 331; Сизов В.И., 1889, с. 279; Часовников В.В., 1888, с. 15]. К юго-востоку от него встречались полностью разворошенные при добыче кирпича погребения, которые могли относиться к остаткам христианского прицерковного кладбища [Часовников В.В, 1888, с. 15]. Сведения В.В. Часовникова о конструкции кирпичных стен Левобережного Цимлянского городища мало отличаются от данных В.И. Сизова и во многом повторяют их, но при этом добавляется ряд интересных деталей. При раскопках В.В. Часовниковым были встречены многочисленные остатки сгоревших бревен, лежавших непосредственно на кирпичных стенах или вдоль них. Это могли быть остатки срубов деревянных конструкций верхних ярусов крепостных стен. Кроме того, он говорит о наличии ворот и кирпичного помоста, ведущих к реке от юго-восточного угла крепости [там же, с. 13 – 15]. Помимо собственно раскопок, наблюдения над результатами добычи кирпича местным населением, позволили В.В. Часовникову определить и отметить на плане городища места, где, по его мнению, располагались христианский храм, кладбище, торговые ряды, кузницы и пр. [Попов Х.И., 2005, с. 331]. Еще одним итогом работ В.В. Часовникова явилось его большое живописное полотно «Городище близ хутора Попова, Цимлянской станицы» (1888 г.), отразившее внешний вид поверхности памятника по состоянию на конец XIX в. [Науменко В.В., 2002, с. 50].

В своих исследованиях В.В. Часовников не ограничился только территорией городища, но и проявил интерес к прилегающей местности. Так, по его сведениям, в одной версте от городища на берегу Дона находились печи для обжига кирпича и керамики, смытые весенним половодьем 1887 г. [Часовников В.В., 1888, с. 15]. Большая заслуга В.В. Часовникова состоит также и в том, что им был приобретен для Донского музея ряд интересных находок, сделанных местными жителями на Левобережном Цимлянском городище при добыче кирпича. Это были уже упоминавшиеся выше фрагменты мраморных колонн, несколько бронзовых крестов «корсунского типа», медный глебо-борисовский энколпион с русской надписью, меловая форма для литья и абсолютно точно подходящий к ней бронзовый крест, небольшой каменный крестик и уже второй, происходящий с городища сребреник Владимира, на этот раз III типа [Зверев С.Е., 1899, с. 324, 325; Ильин А.А., 1924, с. 11; Попов Х.И., 2005, с. 331; Сизов

В.И., 1889, с. 279; Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1983, с. 57; Спасский И.Г., 1978, с. 186; Часовников В.В., 1888, с. 14].

Слухи о безжалостном разграблении казаками древнего городища и об интересных находках, сделанных при этом, в 1887 г. достигли не только донской столицы – Новочеркасска, но и российской – Санкт-Петербурга. Императорская археологическая комиссия, возможно, в пику Московскому археологическому обществу, командирует на Левобережное Цимлянское городище для проведения его исследований Н.В. Веселовского [Артамонов М.И., 1935, с. 8]. Вероятно, в связи с тем, что городище было вне сферы научных интересов Н.В. Веселовского (античные памятники), он ограничился здесь семью очень небольшими по размерам траншеями и окончил работы в рекордно быстрый срок – два с половиной дня [там же, с. 9]. В раскопочных объектах было открыто несколько кирпичных построек как изолированных, так и являвшихся частью какого-то комплекса, с отопительными сооружениями в виде печи или открытого очага. Полы построек кирпичные, уложенные на залитом известью слое щебня. В ряде случаев на стенах и воротах этих построек прослеживался слой штукатурки, окрашенный в серый, красный или зеленый цвет. Помимо построек был еще найден цилиндрический колодец, трактуемый как яма для нечистот [там же, с. 10, 11]. Результаты скоротечных научных раскопок, вероятно, не впечатлили столичного археолога и, в сочетании с действительно удручающими последствиями стихийных «раскопок» местных жителей, послужили Н.В. Веселовскому основанием для признания Левобережного Цимлянского городища окончательно потерянным для науки [Попов Х.И., 2005, с. 333].

Однако, по счастью, это оказалось далеко не так. И если полевые раскопки на памятнике со времени Н.В. Веселовского прекратились, то анализ и обобщение полученных в ходе предыдущих исследований материалов продолжались и в конце XIX в. Ярким тому примером служит статья донского краеведа, создателя и первого многолетнего директора Донского музея в Новочеркасске Х.И. Попова [Попов Х.И., 1895]. Этой работой на рубеже веков были подведены основные итоги археологических исследований Левобережного Цимлянского городища, разбирались сведения письменных источников о хазарской крепости Саркел и русском городе Белая Вежа, анализировались мнения историков о локализации крепости. С безоговорочным вердиктом, вынесенным Н.В. Веселовским Левобережному Цимлянскому городищу, Х.И. Попов не соглашался, считая, что при правильных раскопках памятник мог бы дать еще, по крайней мере, «не мало предметов, ценных для археологии» [он же, 2005, с. 333].

В вопросе локализации Саркела – Белой Вежи, не берясь утверждать категорически, он все же склоняется к мысли об отождествлении его с Левобережным городищем, приводя к этому ряд веских аргументов, в том числе, что очень важно, чисто археологических, а не умозрительных, чем грешили многие предыдущие исследователи этого вопроса [там же, с. 333]. Основным доводом против данной локализации, отраженным и в последующей полемике, виделось летописное свидетельство «Хождения» митрополита Пимена по Дону 1389 г. [ПСРЛ, Т. 11. VIII, с. 95, 96], по данным которого городище «Серклия» находилось на берегу Дона в трех днях пути ниже устья р. Медведицы, что

указывало на район наибольшего сближения Дона с Волгой. Однако, по мнению Х.И. Попова, это противоречие мнимое, поскольку на местном опыте установлено, что по Дону суда в зависимости от ветра и скорости течения могут двигаться с различной скоростью, в том числе и такой, которая даст в итоге расстояние в три дня пути от устья Медведицы до Левобережного Цимлянского городища и, кроме того, в запись о продолжительности пути могла вкрасться простая ошибка, связанная с тем, что она была сделана не сразу, а несколько позднее и по памяти [Попов Х.И., 2005, с. 334]. Позднейшими исследованиями было установлено, что «Хождение» представляет собой произведение художественной литературы, а не путевые заметки. Все известные его редакции отстоят более чем на столетие от действительного времени путешествия [Шенников А.А., 1987, с. 23, 24]. Поэтому вероятность ошибки, допущенная Х.И. Поповым, оказывается вполне реальной.

Интерес к Левобережному Цимлянскому городищу в археологической среде сохранялся и в начале XX в. Об этом можно судить по тому, что в ходе работы комиссии по организации археологического съезда в Харькове было решено к началу работы съезда устроить выставку, в которой были бы представлены в числе прочих и материалы, происходящие из Области Войска Донского [Труды Двенадцатого археологического съезда.., с. 567, 568]. В составленном в этой связи перечне древностей Донского музея, среди которых значилось 20 предметов из Левобережного городища, помимо уже упоминавшихся ранее разнообразных крестов и сребреника Владимира, фигурировала еще византийская монета Алексея Комнина.

После значительного перерыва, обусловленного бурными политическими событиями в стране в начале XX в., археологические исследования памятников Нижнего Дона, в том числе и Левобережного Цимлянского городища, были продолжены в 20-е годы Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством профессора А.А. Миллера. В 1926 – 1927 гг. он [Миллер А.А., 1929, с. 107, 108] и М.И. Артамонов в 1929 г. [Артамонов М.И., 1958, с. 9] провели на Левобережном городище небольшие разведочные работы.

М.И. Артамонов в 1927 г. снял новый план памятника. Также была проведена небольшая подчистка насыпных отложений с внешней стороны крепостной стены и в грабительских подкопах [Миллер А.А., 1929, с. 107, 108]. Примерно в двух верстах от городища на берегу ерика Чиганацкого (старое русло Дона) была выявлена двухъярусная гончарная печь без опорного останца с вертикальными продухами, вырезанная непосредственно в суглинке берегового обрыва [там же, с. 110, рис. 17]. Впрочем, главное внимание в работе экспедиции было сосредоточено на сборе подъемного материала. Говоря о результатах проведенных исследований, А.А. Миллер отмечал свое несогласие с мнением Н.В. Веселовского о потерянности Левобережного Цимлянского городища для науки и считал его вероятными остатками Саркела – Белой Вежи [Миллер А.А., 1926(б), л. 115; 1929, с. 106, 108].

Существенно, что на основании материалов этих разведок М.И. Артамоновым была предпринята первая в отечественной науке попытка привлечения керамики Левобережного Цимлянского городища для уточнения многих существенных вопросов его культурно-хронологического и этнического

облика [Артамонов М.И., 1935, с. 23]. Весь комплекс находок Левобережного городища был разделен на две большие культурно-хронологические группы, имеющие аналогии либо в салтовских, либо в русских древностях [там же, с. 15]. Обе эти группы четко увязывались с двумя строительными горизонтами, выделенными на городище еще В.И. Сизовым [Сизов В.И., 1889, с. 276]: первая (салтовская) – с кирпичными постройками хорошей техники раннего периода, а вторая (русская) – с грубыми постройками из обломков кирпичей на развалинах зданий первого периода [Артамонов М.И., 1935, с. 23]. Учитывая наличие на городище лепной керамики, М.И. Артамонов дополняет периодизацию В.И. Сизова еще одним этапом. В истории Левобережного Цимлянского городища им выделяются три культурно-хронологических периода: с лепной керамикой, с гончарной керамикой салтовского облика и с гончарной керамикой русского происхождения [там же, с. 33]. Суммарно эти этапы датируются по монетам IX – XI вв., а с учетом иных категорий инвентаря допускается расширение датировки до VIII – XII вв. [там же, с. 22]. Для последнего этапа (XI – XII вв.) характерна тесная связь с Русским государством [там же, с. 79].

Лепную керамику памятников Цимлянского региона М.И. Артамонов рассматривает как единый комплекс, выросший на основе форм местной керамики римского времени. Хотя особо и выделяются фрагменты низкогорлых горшков с выпуклыми боками, орнаментированных зубчатым штампом, которые находят аналогии в материалах славянских роменских городищ [там же, с. 43 – 45], они на этом этапе развития знаний о средневековых древностях Нижнего Дона пока еще не рассматриваются как инородное культурное включение в салтовском массиве, а лишь как один из элементов, оказавших влияние на его формирование. По отношению к гончарной керамике русского облика М.И. Артамоновым была сделана попытка создания простейшей ее типологии. По форме венчика выделены два основных типа таких сосудов: с низким, почти горизонтально отогнутым венчиком с закраиной для крышки и с прямым горлом и горизонтально срезанным венчиком [там же, с. 48]. Существенно также отметить наблюдение М.И. Артамонова о том, что с древнерусской гончарной керамикой связаны, составляя с ней единый комплекс, находки амфор с поднятыми над горлом ручками двух типов – конических с воротничковым венчиком и грушевидных с очень низким венчиком [там же, с. 74].

Разбирая данные письменных источников о Саркеле (Константин Багрянородный, продолжатель Феофана, Кедрин, письмо царя Иосифа, «Повесть временных лет», «Хождение митрополита Пимена»), а также бегло рассмотрев мнения различных историков по проблеме его локализации, М.И. Артамонов, с учетом данных археологии, считает, что наиболее вероятным является отождествление Саркела – Белой Вежи с Левобережным Цимлянским городищем [там же, с. 79 – 82].

Помимо Левобережного городища, в 1923 – 1927 гг. Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК проводились исследования и на других поселениях Нижнего Дона, связанных с древнерусским населением.

Это, прежде всего, Кобяково городище, расположенное на правом берегу р. Дон между восточной окраиной г. Ростова-на-Дону и западной окраиной ст. Аксайской (ныне г. Аксай). Первые раскопки памятника в погоне за

сокровищами «аланского царя» были проведены послом Венецианской республики в Тане Иосафатом Барбаро в 1437 – 1438 гг. [Барбаро и Контарини.., с. 138 – 140]. В XIX – начале XX в. осмотр и раскопки городища проводились И.А. Стемпковским, В.Г. Тизенгаузеном, В.В. Богачевым [Косяненко В.М., 2008, с. 13, 14]. Выявленные материалы относились к раннему железному веку. Открытие средневекового поселения на территории меотского городища связано с работами экспедиции ГАИМК. В 1923 г. А.А. Миллером были составлены описание и топографический план городища, а также проведены небольшие по объему раскопки, по сути, зачистка, у края центрального холма, средневековых материалов пока не выявившие [Миллер А.А., 1925, с. 7 – 13].

В 1924 – 1925 гг. работы на городище продолжены. Был выявлен довольно мощный (до 1 м) средневековый культурный слой, характеризующийся остатками каменных и сырцовых построек [он же, 1924, л. 59; 1926(а), с. 113 – 116; 1926(б), л. 40]. Среди находок выделяются фрагменты амфор с очень коротким венчиком и дуговидными ручками, датируемые А.А. Миллером XII в., фрагменты стеклянных браслетов, а также глиняный штамп для просфор (пинтадер) с изображением равноконечного креста, свидетельствующий о христианском культурном воздействии Византии и датируемый по стилистическим особенностям изображения XI – XIII вв. Найденные в раскопе сырцовые кирпичи в большинстве квадратные (24 × 24 × 6 – 7 см), но попадаются некоторые и прямоугольные (24 × 20 × 6 см) [он же, 1926(а), с. 116 – 118]. В 1927 г. на Кобяковом городище была случайно выявлена вырезанная в материковом суглинке довольно обширная пещера. Ее исследование привело А.А. Миллера к заключению, что она могла являться средневековым храмом пещерного типа, позднее освоенным старообрядцами для устройства своих склепов [он же, 1929, с. 74, 75]. Впрочем, каких-либо находок средневековой поры, подтверждающих это предположение, в пещере найдено не было.

Как видно, приведенные выше данные о средневековом слое Кобякова городища носят предварительный, информационный характер. Автора раскопок А.А. Миллера больше интересовали более ранние слои эпохи бронзы и римского времени, поэтому анализ средневековых материалов был предпринят позднее М.И. Артамоновым, обобщившим результаты раскопок всех лет [Артамонов М.И., 1935, с. 105 – 107].

Он уточняет, что средневековый слой городища маломощный и покрывает не всю его площадь, а небольшой участок обращенного к Дону края среднего из трех холмов. В слое был выявлен участок стены с прямоугольным поворотом, сложенный из необтесанных камней известняка, положенных в два ряда так, что оставшееся между ними пространство было забутовано более мелким камнем. Невдалеке от угла стены были прослежены остатки четырехугольного сооружения размерами около 5 × 5 м, ориентированного стенами по сторонам света, с каменной обкладкой основания стен (цоколь?) [там же, рис. 45]. Стены были возведены на плетневом каркасе и обмазаны глиной, пол был также глинобитным. В юго-западном углу сооружения находилось четырехугольное основание печи или очага, с двух сторон обставленное вертикальными каменными плитами, а двумя другими примыкая к стенам постройки, причем пространство между стенами печи и постройки было забито глиной, поверх

которой положены плоские камни.

Среди керамического комплекса средневекового слоя Кобякова городища М.И. Артамоновым была выделена группа гончарных горшков древнерусского облика, сходная с аналогичной группой сосудов Левобережного Цимлянского городища, немного отличаясь от них более грубым тестом, некоторыми особенностями профилировки и орнаментации. Основываясь на данной группе керамики, вовсе не отмеченной в публикациях и архивных материалах А.А. Миллера, М.И. Артамонов соотносит средневековый слой Кобякова городища с тем слоем Левобережного городища, для которого допускается наличие русского элемента, и датирует его на этом основании временем около XI в. [там же, с. 109]. К сожалению, в последующих более поздних раскопках Кобякова городища этот средневековый слой выявлен не был [Капошина С.И., 1962, с. 99], но совсем недавно, в 2015 г., при осмотре строительных разрушений на восточном холме городища были обнаружены остатки средневекового культурного слоя, представленные фрагментрами амфор и обломком стеклянного браслета [Завершинская М.П., 2015, с. 108, 109].

В ходе работ Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 г. было обследовано правобережье устья р. Самбек у с. Вареновка. Здесь А.А. Миллером были обнаружены остатки довольно обширного древнего поселения с круглым земляным укреплением [Миллер А.А., 1929, с. 65]. На территории поселения в обрыве р. Самбек была выявлена пещера, схожая с пещерой Кобякова городища. Был снят схематический план памятника с обозначением кольцевых валов и пещеры, для которой автором допускалось средневековое происхождение в связи с христианством [там же, с. 67]. Само поселение А.А. Миллер датировал «средневековой эпохой» [там же, с. 68] и относил к довольно широкому кругу разновременных и разнокультурных памятников Нижнего Дона, таких как Кобяково, Лево- и Правобережные Цимлянские городища, городища у х. Среднего, х. Карнаухова и ст. Семикаракорской [там же, с. 121]. В 1927 г. сведения о ранее неизвестном поселении в устье реки Самбек были опубликованы в местном издании братом исследователя М.А. Миллером. Он считал, что здесь находятся два средневековых городища – с кольцевым укреплением на морском обрыве и с прямоугольными валами к северу от него [Миллер М.А., 1927]. Последнее А.А. Миллер, впрочем, характеризовал лишь как небольшие неровности почвы, которые трудно трактовать как остатки оборонительных сооружений. В 30-е гг. XX в. поселение обследовал М.И. Артамонов. Кольцевое городище он склонен был относить к салтовскому времени, но укреплением его не считал. В составе подъемного материала поселения им был выделен комплекс древнерусского облика, куда входили фрагменты амфор с высоко поднятыми ручками, гончарных горшков (в том числе и крышек) типа Кобякова городища и обломок стеклянного браслета [Артамонов М.И., 1935, с. 117].

На правом берегу Дона напротив Левобережного Цимлянского городища А.А. Миллером в 1926 г. был открыт еще один средневековый памятник интересующего нас облика – Потайновское городище. Поселение сильно разрушалось береговым обрывом, сохранилась лишь незначительная часть его территории, большинство которой застроено домами современного хутора. В

следующем, 1927 г., здесь были проведены небольшие раскопки разведывательного характера. Следов укреплений на памятнике выявлено не было. Их либо вообще не было, либо они уже полностью уничтожены обвалами берега, и раскопки велись, таким образом, с внешней, напольной стороны. Собранный на поселении материал представлен тремя периодами: доскифским, средневековым и «культуры более поздней», с «расписной керамикой» [Миллер А.А., 1929, с. 112, 113].

Подробнее керамический комплекс городища был охарактеризован М.И. Артамоновым, который также выделяет здесь три периода. Для нашей темы важно, что для второго, средневекового периода истории городища, здесь оказалась характерна гончарная керамика, аналогичная гончарной керамике Левобережного Цимлянского городища [Артамонов М.И., 1935, с. 31], – керамика древнерусского облика. Эта керамика в Цимлянском регионе представляет собой особый культурный комплекс и устанавливает тесную взаимосвязь двух памятников: Левобережного Цимлянского и Потайновского городища [там же, с. 87]. М.И. Артамоновым была внесена ясность и в определении «культуры более поздней с расписной керамикой», к которой относился верхний слой Потайновского городища. Речь здесь идет о красно- или коричневолощеной гончарной керамике золотоордынского времени, широко представленной в Азове и датирующейся XIV – XV вв. [там же, с. 83]. Таким образом, на городище имеются два средневековых слоя – древнерусский и золотоордынский.

В рамках работ Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1930-е гг. разведками М.И. Артамонова на берегу Дона были открыты еще два поселения (у ст. Багаевской и в ст. Раздорской) с древнерусской керамикой, «сходной с найденной в средневековом слое Кобякова городища и равно и с цымлянскою того же типа» [там же, с. 113].

В двух километрах выше по течению Дона от ст. Багаевской в урочище Вертуганово (или Артуганово) были найдены фрагменты низкогорлых амфор с высоко поднятыми ручками, гончарных горшков с закраиной, несколько обломков стеклянных браслетов и бронзовый нательный крестик. Эти находки сопровождались также человеческими костями, позволяющими предположить наличие здесь грунтового могильника, соотношение которого в хронологическом и культурном плане с поселением осталось для М.И. Артамонова до конца не ясным [там же, с. 114]. В связи с этим следует упомянуть, что в последующие годы в районе ст. Багаевской был исследован грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры [Братченко С.Н., Швецов М.Л., 1984] и сделаны случайные находки предметов погребального инвентаря этого же времени [Колесникова Т.В., 2004]. Поэтому существует вероятность, что обнаруженные М.И. Артамоновым погребения не являются остатками древнерусского грунтового могильника, а относятся к более раннему периоду.

Поселение в станице Раздорской отличается от остальных памятников своей топографией. Оно было расположено не на низком, а на высоком берегу Дона, меж двумя глубокими балками с крутыми склонами. Поселение обладало ярко выраженным культурным слоем, прослеживавшимся в береговом обрыве над Доном. Находки представлены фрагментами амфор с высоко поднятыми

ручками и гончарных горшков древнерусского облика типа Кобякова и Левобережного городищ. Практически вся территория памятника уже во времена М.И. Артамонова была застроена домами современной станицы [Артамонов М.И., 1935, с. 115], поэтому с той поры новых аналогичных находок сделано не было, хотя ст. Раздорская постоянно привлекает внимание донских археологов и краеведов.

В связи с исследованиями ГАИМК на Левобережном городище в 1930-е гг. вновь встал вопрос о его соответствии хазарскому Саркелу. С целью окончательного разрешения этого вопроса в 1934 – 1936 гг. на городище производились раскопки специальной экспедицией ГАИМК под руководством М.И. Артамонова [он же, 1940; 1941]. В результате было установлено, что городище содержит отложения двух периодов: хазарского и русского, причем кирпичные сооружения являются остатками хазарской крепости, которой мог быть только Саркел. Таким образом, вопрос о локализации Саркела был достаточно убедительно разрешен в пользу Левобережного Цимлянского городища [он же, 1958, с. 9]. Однако, сомнения в этом продолжали высказываться еще на протяжении достаточно длительного времени, а Саркел предлагалось искать в месте наибольшего сближения Дона и Волги [Кудряшов К.В., 1947, с. 536 – 556; 1948(а), с. 93 – 97; 1948(б); 1953]. Почвой для этого служили сообщения письменных источников, а основные аргументы строились главным образом на данных уже упоминавшегося выше «Хождения» митрополита Пимена по Дону, практически без учета археологических реалий.

Материалы раскопок 1934 – 1936 гг., помимо М.И. Артамонова, привлекали внимание и других исследователей. Так, И.И. Ляпушкиным был полностью поддержан вывод о тождестве Саркела – Белой Вежи и Левобережного Цимлянского городища, которое он датировал IX – XII вв. В этом временном интервале им выделялись два резко отличающихся друг от друга периода: начало IX – конец X вв. (салтово-маяцкий комплекс) и XI – начало XII вв. (славяно-русский) [Ляпушкин И.И., 1941, с. 222]. Рассматривая лепную керамику Левобережного городища, И.И. Ляпушкин находит ей прямые и многочисленные аналогии прежде всего в славянских памятниках Верхнего Дона, а также в нескольких поселениях левобережного Днепра [там же, с. 216]. В отличие от М.И. Артамонова, который в ту пору считал лепную керамику Левобережного городища явлением сугубо местным, уходящим корнями в керамический комплекс Нижнего Дона римского времени [Артамонов М.И., 1935, с. 42], И.И. Ляпушкин подчеркивал славянское происхождение ряда форм и, тем самым, их привнесенный извне характер.

Помимо содержательной аналитической части, упомянутая работа И.И. Ляпушкина ценна еще и тем, что в ней впервые на основании дневников раскопок приводятся описания, хотя и выборочные, погребальных комплексов могильника Саркела – Белой Вежи (Большой курган или курган 17 / 10 более поздней публикации О.А. Артамоновой). Так же, как и по отношению к лепной керамике, отмечается совершенная чужеродность могильника для территории Нижнего Дона и, с другой стороны, его обычность для региона Приднепровья великокняжеской эпохи XI – XII вв. [Ляпушкин И.И., 1941, с. 224].

Объективную почву для сомнений в правильности локализации Саркела

создавал и небольшой объем раскопок 1934 – 1936 гг., материалы которых, по признанию самого автора, оказались недостаточными для всесторонней характеристики жизни города [Артамонов М.И., 1958, с. 9]. Провести значительно более масштабные, на этот раз аварийно-спасательные новостроечные раскопки Левобережного городища удалось только в 1949 – 1951 гг. в связи со строительством Цимлянского водохранилища, в зону затопления которого, среди многих прочих памятников, попадал и Саркел – Белая Вежа [Ляпушкин И.И., 1958(а), с. 227 – 262]. Работы здесь велись специально образованной Волго-Донской археологической экспедицией под руководством М.И. Артамонова [Артамонов М.И., 1949; 1951(а); 1951(б); 1951(в); 1952]. За три года работ было раскопано больше половины площади кирпичной крепости, часть относящегося к ней могильника и собран огромный вещевой материал, подробно охарактеризованный в ряде публикаций [Труды Волго-Донской.., 1958, 1959, 1963].

Отдельным отрядом экспедиции под руководством И.И. Ляпушкина в 1950 – 1951 гг. были проведены широкомасштабные разведочные работы в зоне затопления Цимлянского водохранилища. Здесь было выявлено значительное число ранее неизвестных памятников, в том числе и средневековое поселение в устье р. Донской Царицы. В подъемном материале памятника автором выделялась группа, так называемой, «русской керамики киевского типа XIII в.» [Ляпушкин И.И., 1958(а), с. 243, 260].

Помимо этого, И.И. Ляпушкиным в зоне затопления Цимлянского водохранилища были проведены небольшие по объему, по сути, разведочные раскопки ранее неизвестного поселения у х. Ближняя Мельница в устье р. Чир. Здесь было исследовано четыре разной степени сохранности полуземляночных жилища с печами-каменками. Керамический комплекс представлен фрагментами лепных роменско-боршевских горшков и сковород с примесью шамота. Горшки двух типов – с отогнутым венчиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями или с высоким вертикальным венчиком. В меньшем количестве здесь встречены обломки гончарных сосудов, типичных для поселений салтово-маяцкой культуры – кухонных горшков, столовых серолощеных кувшинов и яйцевидных амфор крымского производства. Поселение автором раскопок было отнесено к роменско-боршевской культуре и датировано IX в. [там же, с. 242, 259, 260; 1958(б), с. 345].

После масштабных работ Волго-Донской экспедиции в изучении славяно-русских памятников Нижнего Подонья наступает значительный перерыв. Только в 1962 г. Приазовским отрядом ЛГУ под руководством А.В. Гадло в составе Кобяковской археологической экспедиции ИА АН СССР в дельте р. Дон у х. Казачий Ерик были проведены небольшие раскопки нового древнерусского поселения, датируемого XI – XII вв. [Гадло А.В., 1964, с. 42]. В раскопе прослежены остатки сгоревшего наземного жилища с глинобитным полом и турлучными стенами. Выделяются три группы кухонных горшков, восходящих к формам роменско-боршевской, салтово-маяцкой и древнерусской керамики. Генетически различная бытовая керамика отражает наличие нескольких этнических групп обитателей поселения, которое расценивается как значительный торгово-ремесленный пункт на пути из Тмутаракани в Русскую

землю [там же, с. 44, 45]. В 1983 – 1984 гг. В.В. Чалым на поселении были проведены значительные по объему сборы подъемного материала, позднее использованные в диссертационном исследовании А.Н. Масловского [Масловский А.Н., 2007].

Немногим позднее, в 1968 г., у ст. Богоявленской В.С. Флёровым в составе археологической экспедиции Ростовского государственного университета было открыто и исследовано салтово-маяцкое поселение VIII – IX вв., в материальной культуре которого заметное влияние принадлежит славянскому роменско-боршевскому элементу, проявляющемуся в керамическом комплексе и в конструкции жилища (раскопаны остатки двух полуземлянок с печами-каменками) [Флеров В.С., 1969; 1971, с. 265].

В 1975 г. возобновились работы на Самбекском городище, привлекавшем внимание братьев Миллеров и М.И. Артамонова еще в 20 – 30-е гг. XX в. В 1954 – 1955 г. здесь проводил шурфовочные работы И.С. Каменецкий [Качевский П.С., 2004, с. 136], в 1961 г. памятник был осмотрен С.А. Плетневой [Плетнева С.А., 1961, с. 14], в 1970 г. – В.С. Флёровым [Флеров В.С., 1970, рис. 1, 3 – 5]. На протяжении 1975 – 1978 гг. на Самбеке велись охранные раскопки экспедицией Ростовского областного отделения ВООПИиК и Ростовского областного музея краеведения под руководством П.А. Ларенка [Ларенок П.А., 1976; 1977; 1978; 1979; 1983(а)]. В ходе работ была дана более точная датировка и интерпретация Самбекского городища. Первое кольцевое городище оказалось укреплением середины – второй половины XVIII в., на что указывала еще С.А. Плетнева [он же, 1983(а), с. 126]. Прямоугольные валы второго городища, отмеченные М.А. Миллером к северу от первого, оказались оптической иллюзией, сформированной поворотом дороги и понижением рельефа в балку на территории поселения срубной культуры [он же, 1976, с. 14]. Раскопками 1970-х гг. на средневековом поселении было исследовано два полуземляночных жилища с различными очагами и 51 хозяйственная яма. Средневековые материалы представлены двумя культурно-хронологическими группами – салтово-маяцкой (IX – X вв.) и древнерусской (XI – XIII вв.) [он же, 1983(а), с. 128].

В 1978 г. Самбекской археологической экспедицией было проведено обследование левого берега устья р. Мокрый Чалтырь (правый приток Мертвого Донца – северного рукава Донской дельты), опровергшее бытовавшее в литературе мнение о существовании там городища первых веков нашей эры. Подъемный материал оказался представлен исключительно средневековой керамикой, что позволило определить памятник как Мокро-Чалтырское кочевье 1 VIII – XI вв. [он же, 1983(б)]. В 1997 г. неподалеку от территории кочевья Р.В. Прокофьевым был случайно найден фрагмент стеклянного браслета[1], что, наряду с ранее найденными фрагментами амфор триллийской группы, позволяет высказать предположение о возможном наличии на памятнике древнерусского элемента.

[1] Браслет синего цвета, крученый. В 2015 г. в Центре исследований минерального сырья и состояния окружающей среды Южного федерального университета был установлен его химический состав: *O* – 45.6%, *Na* – 9.5%, *Mg* – 0.4%, *Al* – 1.1%, *Si* – 33.4%, *S* – 0.1%, *Cl* – 1.0%, *K* – 0.6%, *Ca* – 5.0%, *Mn* – 0.5%, *Fe* – 1.1%, *Co* – <0.2%, *Cu* – <0.3%, *Pb* – <0.5%.

Еще одним итогом деятельности Самбекской экспедиции явилось открытие в 1978 г. древнерусского поселения у х. Куричи на левом берегу устья р. Самбек [он же, 1979, с. 62]. В 1978 и 1986 гг. на поселении были проведены разведочные шурфовки, а в 1987 – 1989 и 1993 гг. – спасательные раскопки Таганрогской археологической экспедицией под руководством С.В. Рязанова [Рязанов С.В., 1987; 1988; 1989; 1990(а); 1991, с. 113; 1994(а), с. 127; 1994(б), с. 5]. Помимо прочего, на поселении была исследована единственная известная на памятниках данного типа гончарная печь, конструкция которой состояла из округлого глинобитного свода и округлого ровика с перемычкой, окружавшего материковый останец, на котором размещалась обжигаемая керамика [он же, 1990(а), с. 108]. Исходя из находки гончарной печи, можно предположить, что часть керамики древнерусского облика с поселений Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья изготавливалась на Куричанском поселении.

Раскопки В.В. Чалым в 1983 г. античного поселения Рогожкино XII в дельте Дона выявили там и средневековые материалы домонгольского времени. Были исследованы четыре хозяйственных ямы, печь и крупное углубление, возможно, жилище [Чалый В.В., 1984, с. 132]. В числе находок присутствовало и небольшое число керамики древнерусского облика, которую А.Н. Масловский считает импортом [Масловский А.Н., 2007], а само поселение относит к огузам [он же, 2010, с. 14].

В 1991 г. С.В. Рязановым обследовалось поселение Донской I, расположенное у одноименного хутора в островной части донской дельты, на правом берегу основного русла Дона, вниз по течению от г. Азова. Был собран значительный по объему подъемный материал эпохи средневековья[2], в котором присутствовали фрагменты гончарных горшков древнерусского облика, хранящийся в фондах ТЛИАМЗ[3]. В 1995 г. памятник был осмотрен П.С. Качевским и Р.В. Прокофьевым [Качевский П.С., 2004, с. 136]. На сей раз, в подъемном материале древнерусская керамика встречена не была. Основную массу находок составили обломки кувшинов азакского производства, значительное число которых происходило и из сборов 1991 г. Поселение обследовалось сотрудниками Азовского краеведческого музея и в последующие годы. В 2006 г. сборы были проведены А.Н. Масловским, выделившим в их составе керамику различных культурно-хронологических групп эпохи средневековья (XII – XIV вв.), в том числе и древнерусскую [Масловский А.Н., 2008, с. 166 – 170].

Фрагменты такой керамики были встречены также среди подъемного материала поселения Петровский в дельте Дона (фонды Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, КП 29216). Находки из раскопок этого памятника пока недоступны для изучения [он же, 2007].

В 1990 г. Таганрогской археологической экспедицией проводилась инвентаризация памятников археологии Неклиновского района Ростовской области. В числе прочих было выявлено многослойное поселение Носово-СТФ

[2] Коллекционная опись находок, собранных С.В. Рязановым на поселении Донской-I в 1991 г. Архив ТЛИАМЗ, фонд «Археологические памятники», приложение 2, № 41.

[3] КП № 12700, НВ № 6194.

на правобережье Миусского лимана [Ларенок П.А., 1998(б)]. В составе сборов 1990 г. и последующих лет, хранящихся в фондах ТЛИАМЗ, отмечается наличие гончарной керамики древнерусского облика.

В 1992 г. Таганрогской археологической экспедицией под руководством П.А. Ларенка [Ларенок П.А., 1994] и в 1995 г. Южнороссийской комплексной экспедицией Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия под руководством И.В. Волкова проводились раскопки средневекового поселения XIII в. на территории Семеновской крепости (1698 – 1711 гг.) на левом берегу Миусского лимана. Раскопками выявлено 23 хозяйственных ямы и полуземляночное жилище с печью из сырцовых кирпичей [Волков И.В., 1998, с. 53; 2003, с. 113].

В 1996 – 1997 гг. в рамках работ указанной экспедиции И.В. Волковым также были возобновлены раскопки древнерусского поселения у х. Казачий Ерик. Раскопом исследован участок улицы, снабженной дренажной системой, состоящей из отдельных траншей и столбиков для настила деревянной мостовой поверх них [он же, 1998, с. 49, 50].

В 1994 – 1995 гг. неподалеку от г. Ростова-на-Дону на левом берегу р. Дон в нижнем течении р. Койсуг археологической экспедицией Азовского краеведческого музея под руководством И.В. Гудименко был исследован ранее неизвестный грунтовый могильник Мартышкина балка [Гудименко И.В., 1995; 1997(а), 1997(б); 1998], датируемый концом XI – серединой – второй половиной XIII в. Средневековый могильник формировался вокруг насыпи кургана эпохи бронзы. На площади около 1,5 тыс. м^2 исследовано 231 погребение, которые носят черты христианской обрядности и могут быть связаны с древнерусским населением [Масловский А.Н., 1997; Дмитриенко М.В., 2000; Прокофьев Р.В., 2009; Гудименко И.В., Прокофьев Р.В., 2011]. Исследованный могильник связан с расположенным рядом Койсугским поселением, известным еще с 1970-х гг. по многочисленным сборам И.В. Белинского, П.А. Ларенка, С.А. Яценко (фонды Ростовского областного музея краеведения: КП 4533, 4865, 5507, 6233), И.В. Гудименко и Е.В. Козюменко (фонды Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника: КП 26571, 26475, 27141), в материалах которых отмечено присутствие гончарной керамики древнерусского облика.

В 1995 г. Таганрогской археологической экспедицией под руководством В.А. Ларенок у с. Натальевка на правом берегу Миусского лимана было открыто еще одно древнерусское поселение XII – XIII вв. Небольшими раскопками на поселении было исследовано 18 хозяйственных ям [Ларенок В.А., 1996, с. 77 – 109; Ларенок П.А., 1998(а), с. 113]. Позднее, в 2005 г., работы на памятнике были продолжены экспедицией Донского археологического общества, раскопавшей здесь еще восемь хозяйственных ям [Прокофьев Р.В., 2006(б)].

В 1998 – 2001 и 2004 г. экспедицией Новочеркасского исторического комитета под руководством М.И. Крайсветного проводились разведочные работы на Золотовском городище, расположенном на о. Куркин при слиянии Северского Донца с Доном [Крайсветный М.И., 2000, с. 94 – 98; 2001; 2002(а), 2002(б); 2006, с. 91, 92]. В шурфах и траншеях исследованы остатки каменной оборонительной стены и башни, скопления квадратного кирпича с известковым раствором, хозяйственные ямы, жилище с печью из кирпича и другие объекты.

Нижний культурный слой памятника относится к салтово-маяцкой культуре VIII – X вв., в верхнем представлена славянская керамика X – XII вв., а также обломки стеклянного браслета и шиферного пряслица. В описании и интерпретации автора раскопок городище на о. Куркин уж очень напоминает Саркел – Белую Вежу: кирпичная крепость хазарского времени, разрушенная киевским князем Святославом в 965 г. и, спустя некоторое время, заселенная славянами [он же, 2001, с. 106, 107]. К сожалению, все публикации результатов исследований этого памятника лишены какого-либо иллюстративного материала, поэтому судить о правильности подобных выводов весьма проблематично.

Разведка нижнего течения р. Северский Донец у г. Белая Калитва, проведенная Р.В. Прокофьевым в 2000 г., показала наличие в этом районе древнерусского поселения конца XII – XIII вв. (Длинное) и двух близких ему по характеру поселений (Богатов I и Караул) [Прокофьев Р.В., 2000, с. 31]. В 2002, 2004 и 2007 г. на поселении Длинное на правом берегу Северского Донца были проведены раскопки, выявившие 20 хозяйственных ям и жилище [он же, 2003(а); 2005(а), 2005(б); 2008(а)]. В 2007 г. на многослойном поселении Караул шурфовочными работами было исследовано три хозяйственных ямы древнерусского времени [он же, 2008(б), с. 72 – 100]. Шурфовка поселения Богатов I дала немногочисленные маловыразительные материалы той же поры [там же, с. 64 – 72].

В 2001 – 2004 гг. экспедицией Донского археологического общества под руководством Р.В. Прокофьева проводились раскопки раннеславянского поселения Полное первой половины IX в., расположенного на правом берегу р. Полная (бассейн р. Северский Донец) неподалеку от г. Миллерово. На вскрытой раскопками площади порядка 1100 м^2 исследовано пять полуземляночных жилищ с печами-каменками и 20 хозяйственных ям [Прокофьев Р.В., 2002(а); 2002(б); 2003(б); 2004; 2005(б)].

В последующих публикациях автором раскопок разрабатывались вопросы типологии инвентаря, особенностей домостроительства и относительной хронологии жилищ, общей планировки и продолжительности функционирования поселения [он же, 2007(а); 2007(б); 2013]. Ограниченная выборка амфорной керамики поселения Полное рассматривалась Л.Ю. Нидзельницкой [Нидзельницкая Л.Ю., 2009, с. 266, 272][4]. Палеозоологический материал

[4] Автор в соответствующем разделе своей статьи, к сожалению, допустила ряд фактических ошибок в передаче и трактовке материала наших раскопок и публикаций. Так, поселение Полное вовсе не является «почти уничтоженным глубокой распашкой» [Нидзельницкая Л.Ю., 2009, с. 266] – на раскопах нерегулярной пахотой затронута лишь верхняя часть культурного слоя [Прокофьев Р.В., 2007(а), с. 215], на уровне древней дневной поверхности даже удалось реконструировать некоторые конструктивные элементы одного из жилищ [он же, 2007(б), с. 47]. «Фрагменты лепной керамики и амфор» в культурном слое действительно составляют большинство находок [Нидзельницкая, 2009, с. 266], но какую группу керамики не присоедини к лепной, доля которой на поселении составляет 68% (56,2% по неполным данным 2001 – 2002 гг., использованным Л.Ю. Нидзельницкой в 2007 г.), все равно получится «основная масса находок». Фактическое же количество амфорных фрагментов не очень велико – всего лишь 15%. Это даже меньше, чем общее число гончарной керамики салтовского облика, действительная доля которой в угоду построений автора

проанализирован Ю.Я. Мягковой [Мягкова Ю.Я., 2003; 2013, с. 286 – 291].

Аналогичные раннеславянские материалы IX в. были открыты в 2001 и 2003 г. археологической экспедицией Ростовской областной инспекции по охране и эксплуатации памятников истории и культуры под руководством В.В. Рогудеева и И.В. Гудименко на участке поселения Закатное I на левом берегу р. Северский Донец, неподалеку от впадения в него р. Деркул. Здесь было исследовано полуземляночное жилище с разобранной печью-каменкой и серия хозяйственных ям [Гудименко И.В., 2004; Рогудеев В.В., 2002, с. 109, 110; 2005].

В 2001 г. небольшими шурфовочными работами в г. Ростове-на-Дону было выявлено древнерусское поселение первой половины XIII в. (Донецкая крепость), расположенное на высоком правом берегу р. Дон, у начала его древнего русла – рукава р. Мертвый Донец, у вершины донской дельты [Ларенок П.А., 2002, с. 239].

В 2004 – 2007 гг. в г. Таганроге работала совместная Российско-Германская археологическая экспедиция, основной целью которой было исследование памятника ранней греческой колонизации – Таганрогского поселения или поселения Каменная лестница [Копылов В.П., Ларенок П.А., 1994]. Помимо античных материалов, в шурфах были встречены находки древнерусского времени, четко связываемые с определенным стратиграфическим слоем [Далли О., Шунке Т., 2009, с. 203; Ларенок П.А., 2009, с. 205], что позволяет предположить наличие здесь поселения этой поры.

В 2005 и 2007 г. экспедицией ЗАО «Ростспецархеология» проводились раскопки местонахождения Приморка II на левобережье р. Самбек [Шеф А.В., 2006]. Полученные немногочисленные материалы дают возможность охарактеризовать памятник как древнерусское сезонное селище, связанное с расположенным неподалеку Куричанским поселением [Прокофьев Р.В., 2006(а), с. 358, 359].

При раскопках золотоордынского Азака встречалось небольшое количество находок, датирующихся более ранним, чем время основания города, периодом. Их топография позволила локализовать на территории Алексеевского раската XVIII в. гипотетическое поселение второй половины XII – начала XIII в. [Масловский А.Н., 2006, с. 268], к которому возможно относится одно погребение [он же, 2008, с. 156 – 158]. В раскопах по ул. Московской, 4 и Лермонтова, 6 были выделены комплексы времени самого начала становления города, датирующиеся в пределах третьей четверти XIII в. [он же, 2006, с. 292; 2008, с. 156]. В их составе, в отличие от комплексов развитого Азака, заметное место принадлежит древнерусской гончарной керамике, найден также фрагмент стеклянного браслета [он же, 2006, с. 287, 288, 290; 2008, с. 156], что позволило автору раскопок говорить о наличии древнерусской усадьбы [он же, с. 292].

В недавнее время наличие славянского компонента на салтово-маяцких памятниках было отмечено при раскопках поселения Журавка (2008 г.) [Бакушев М.А., Ларенок П.А., 2009, с. 216, 219; остеологию см.: Мягкова Ю.Я., 2009; 2013, с. 294 – 297] и разведочных шурфовках поселения Масаловское IX (2010 г.)

была произвольно занижена: «ничтожное количество» [там же, с. 272] о реальных 6% кухонной керамики и вообще не упомянутые Л.Ю. Нидзельницкой 11% столовой лощеной керамики.

[Прокофьев Р.В., 2012, с.110], расположенных в бассейне левобережных притоков Северского Донца – рек Быстрая и Глубокая соответственно. Однако, полученные там материалы либо недостаточно многочисленны и выразительны (Масаловское IX), либо их славянская принадлежность недостаточно аргументирована исследователями (Журавка) для однозначного отнесения к кругу рассматриваемых памятников.

*. * .*

Так в общих чертах выглядит история изучения ранних славянских и древнерусских памятников Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, а точнее – история накопления фактического материала. Анализируя результаты работ прошлых лет, можно констатировать разную степень изученности указанных памятников. Ощущается недостаточность как источниковой базы, связанная с малыми объемами раскопочных работ, так и в целом слабое осмысление уже накопленных данных, связанное с неполнотой публикуемых материалов и нерегулярностью обращения исследователей к данной проблематике.

Наиболее важной и часто затрагиваемой многими исследователями проблемой является вопрос о времени и причинах первого появления славян в бассейне Нижнего Дона и шире – вообще на юго-востоке Русской равнины. Поначалу этот вопрос не имел самостоятельного значения и на протяжении длительного времени его касались лишь в связи с другими крупными проблемами ранней истории древнерусского государства. Прежде всего, имеется в виду идея о существовании пресловутой Приазовской Руси, особого автохтонного славянского образования, отличного от Руси Днепровской.

Возникнув из не вполне ясных сведений письменных источников (арабских, византийских) и умозрительных построений самих исследователей, эта идея активно использовалась в спорах норманистов и антинорманистов, зачастую кочуя в почти неизменном виде из одного лагеря в другой. Основные положения ее сторонников XIX – начала XX вв. обстоятельно изложены И.И. Ляпушкиным [Ляпушкин И.И., 1941, с. 191 – 205]. До второй половины XIX в., несмотря на различие подходов, большинство историков склонялось к мысли о наличии славянских поселений на юго-востоке с древнейших времен, их выводы строились исключительно на данных письменных источников [Багалей Д.И., 1882, с. 16 – 32; Барсов Н.П., 1885, с. 149 – 152; Голубовский П., 1881, с. 2 – 13; Иловайский Д.И., 1876, с. 105 – 114; Ламанский В.И., 1859, с. 64 – 90; Морошкин М.Я., 1861; Срезневский И.И., 1860]. На рубеже XIX – XX вв. наметился перелом во взглядах, вызванный как более взвешенным подходом к сообщениям письменных источников [Вестберг Ф., 1910, с. 63 – 85], так и обращением к археологии, которая не отмечала раннего присутствия славян в регионе [Спицын А.А., 1899, с. 338]. Несмотря на это, обе точки зрения некоторое время продолжали сосуществовать [Готье Ю.В., 1930; Пархоменко В.А., 1924]. Однако к 1930-м гг. возобладало прежнее мнение об исконности славянского компонента на Юго-Востоке [Арциховский А.В., 1938; Мавродин В.В., 1938, с. 82], в чем не последнюю роль сыграли господствовавшие тогда в науке политико-идеологические представления и установки.

Широкомасштабные археологические исследования Северо-Кавказской

экспедиции ГАИМК 1920 – 1930-х гг. создали благоприятную почву для более взвешенного и объективного решения этой проблемы. К началу 1940-х годов на обширном археологическом материале Нижнего Дона и Таманского полуострова было установлено, что до конца X в. славянские памятники здесь не известны [Артамонов М.И, 1935; Ляпушкин И.И., 1941, с. 232, 233]. Казалось бы, с гипотезой о раннем проникновении славян в Приазовье, а тем паче их автохтонности в регионе было покончено. Однако, в последующие годы наблюдались отдельные рецидивы устаревшей гипотезы, в том числе и с опорой на археологические материалы [Смирнов А.П., 1958]. Это заставило А.В. Гадло обратиться к истории развития идеи о Приазовской Руси как особой темы отечественной историографии [Гадло А.В., 2002; 2004, с. 29 – 66]. Повторно рассмотрев все приведенные еще И.И. Ляпушкиным точки зрения на проблему, а также ряд новых накопленных впоследствии взглядов и данных [Вернадский Г.В., 1996; Монгайт А.Л., 1963], А.В. Гадло вновь доказал всю несостоятельность представлений о раннем славянском проникновении на Юго-Восток, вытекающую как из археологических материалов, так и из анализа письменных источников и общего направления исторического развития Древней Руси.

В итоге следует констатировать, что проблема Приазовской Руси более интересовала историков, нежели археологов, поскольку археология не давала ровно никаких оснований для существования этой теории. Археологи если и касались этой проблемы, то почти исключительно в историографическом плане, поскольку реального археологического материала для ее освещения не существовало.

Для территории Нижнего Дона время появления славян поначалу было тесно связано с датировкой раннеславянских материалов единственного памятника – Саркела. После выхода работ М.И.Артамонова и И.И.Ляпушкина утвердилось мнение, что славяно-русское население появляется здесь только после восточного похода Святослава, сокрушившего могущество Хазарского каганата [Артамонов М.И, 1935, с. 87; 1958, с. 56; Ляпушкин И.И., 1941, с. 239]. При этом И.И. Ляпушкиным подчеркивалось, что поход Святослава не ставил цели создания предпосылок для массового колонизационного передвижения славянского земледельческого населения на юго-восток для освоения новых угодий. Киевские князья стремились лишь обеспечить прочный контроль над вновь завоеванными территориями для стабильного взимания дани и торговых пошлин [Ляпушкин И.И., 1941, с. 242, 243].

Масштабные исследования Саркела – Белой Вежи Волго-Донской экспедицией дали основание некоторым исследователям предположить, что славяне появились здесь задолго до похода Святослава, еще в IX в. С.А. Плетнева, изучая керамический комплекс Саркела – Белой Вежи, констатировала, что славяне обитали здесь начиная с IX в. [Плетнева С.А., 1959, с. 266, 271].

Анализ жилых построек Саркела привел В.Д. Белецкого к выводу, что первые славянские поселенцы прибыли сюда из Верхнего Подонья и являлись подчиненными по отношению к тюркской этнокультурной группе Саркела. Первое появление славян не только в Саркеле, но шире – в бассейне Нижнего Дона, по его мнению, следовало связать не с походом Святослава, а с более

ранним и обширным движением славян на юго-восток, начало которого уходит в VIII в. Поход же Святослава изменил истоки славянского проникновения, открыв дорогу на Нижний Дон уже иному, позднероменскому древнерусскому населению Среднего Поднепровья [Белецкий В.Д., 1959, с. 134]. По результатам работ на поселении у х. Ближняя Мельница И.И. Ляпушкин изменил свою точку зрения также в пользу более раннего проникновения славян на Нижний Дон [Ляпушкин И.И., 1958(б), с. 347]. Правомерность таких взглядов была вскоре дополнительно подтверждена раскопками В.С. Флёрова на поселении VIII – IX вв. у ст. Богоявленской [Флеров В.С., 1971, с. 265]. С.А. Плетнева, заново пересматривая стратиграфию и планиграфию славянских жилищ Саркела и датировку поселения у х. Ближняя Мельница, высказала мысль о том, что вятичи-боршевцы, выходцы с Верхнего Дона, появились здесь почти сразу после разгрома хазар Святославом, т.е. в третьей четверти X в. [Плетнева С.А., 2000, с. 88; 2006, с. 38, 209].

Близкой точки зрения по вопросу о времени и причинах появления славян на Нижнем Дону придерживался А.В. Гадло. Согласно его позиции, колонизация носила санкционированный древнерусским государством характер и потому не могла проходить ранее княжения Владимира I, так как только к этому времени сложилась благоприятная внешнеполитическая обстановка [Гадло А.В., 1971; 1973]. При этом нижнедонские славянские поселения, по его мнению, имели самую тесную связь с Тмутараканским княжеством, а само направление заселения славянами Дона шло вверх по течению – от Азовского моря к русской торговой слободе на Казачьем Ерике, далее к Саркелу – Белой Веже и от нее к вятическим землям на Верхнем Дону [он же, 2004, с. 164, 165].

Против такой трактовки решительно возражала С.А. Плетнева, которая не считала возможным видеть в Белой Веже крайний восточный форпост Тмутараканского княжества, поскольку не находила никаких сведений о ее политических или административных связях не только с Тмутараканью, но даже и с самой Русью. Поэтому город, в ее представлении, обладал административной самостоятельностью [Плетнева С.А., 2006, с. 260, 261].

П.А. Ларенок, обращаясь к раннеславянским поселениям Нижнего Дона, относил время их появления к концу VIII в., а население считал северянами-роменцами, насильственно переселенными хазарами. Саркел же, по его мнению, населяли вятичи-боршевцы, переселившиеся сюда в результате русско-хазарской войны 884 – 885 гг. [Ларенок П.А., 1992]. В.В. Рогудеев высказывается за самостоятельное переселение [Рогудеев В.В., 2005, с. 154].

Однако, славянские поселения весьма малочисленны и занимают довольно скромное место среди поселений VIII – X вв. Нижнего Дона. По нашему мнению, расценивать их появление здесь как результат широкого колонизационного движения кажется малоубедительным. Скорее действительно следует говорить о насильственной миграции, но переселены сюда были отнюдь не северяне Левобережья Днепра, а вятичи Верхнего Дона, о чем, прежде всего, говорят типично боршевские печи-каменки, найденные на всех славянских поселениях Нижнего Дона. В жилищах роменской культуры Левобережья Днепра в это время преобладают печи в материковых останцах.

Переселение боршевцев на Нижний Дон следует относить к началу IX в.,

ко времени обустройства западных рубежей Хазарского каганата и формирования здесь определенной политико-экономической системы, воплощением чего явились перенесение административного центра каганата из Дагестана на Нижний Дон, переселение аланского населения Предкавказья в верховья Северского Донца, а также обложение части восточнославянских племен, в том числе и вятичей, данью. В русле этой политики переселение части славянских данников хазар с северо-западного пограничья в бассейн Нижнего Дона выглядит вполне логичным. Они расселялись по берегам малых рек Донского бассейна на отдельных поселениях и, очевидно, несли определенные хозяйственные повинности в пользу Хазарского каганата [Прокофьев Р.В., 2007(а), с. 223; 2007(б), с. 42].

На примере поселения Полное в качестве основных признаков этой группы раннесредневековых поселений Нижнего Дона выделяются конструкция жилища в виде подквадратной полуземлянки с печью-каменкой; лепная керамика с примесью шамота в тесте; наличие в ее составе, помимо горшков, сковородок; применение зубчатого штампа в орнаментации; состав стада, значительное место в котором занимает домашняя свинья [он же, 2007(а), с. 223]. При обращении к неполному комплексу амфорной керамики этого поселения Л.Ю. Нидзельницкая, сама не замечая того, приходит к парадоксальным выводам [Нидзельницкая Л.Ю., 2009, с. 266, 272]. С одной стороны, в соответствии с разработанной ею хронологией византийских амфор, поселение должно датироваться в рамках VII – первой половины VIII вв., а с другой – это не может являться свидетельством раннего проникновения славян в Нижнее Подонье.

Остальные славяно-русские памятники Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья изучены не так подробно и основательно, как Саркел – Белая Вежа. Их исследования не носили систематического характера, в литературе главным образом освещались результаты раскопок с некоторыми предварительными выводами. Более углубленному анализу только время от времени подвергались лишь некоторые отдельные моменты истории этих памятников или категории их инвентаря.

В нескольких информационных сообщениях автором раскопок грунтового могильника Мартышкина Балка И.В. Гудименко отмечается полиэтничный характер населения, оставившего могильник и его связь с Древней Русью и Северным Кавказом. Кроме того, для ряда черт погребального обряда устанавливается влияние салтовской традиции [Гудименко И.В., 1997(б), с. 76, 77; 1998, с. 61 – 64]. На остеологическом материале В.С. Байгушева обнаруживает существенные отличия в пищевом довольствии населения, оставившего Мартышкину Балку, с одной стороны, и древнерусского населения Семеновской крепости и Казачьего Ерика с другой [Байгушева В.С., 2002, с. 367, 368].

Более подробно материалы могильника были проанализированы А.Н. Масловским [Масловский А.Н., 1997]. По его мнению, Мартышкина Балка наиболее близка беловежскому грунтовому могильнику. Для могильника допускается определенное влияние христианской обрядности, но преобладающими признаются черты постсалтовской погребальной традиции, связываемой с кавказским элементом, точнее с аланами. Население, оставившее

могильник, было полиэтничным, но без присутствия кочевников. Погребальный инвентарь могильника Мартышкина Балка определяет его хронологию в рамках конца XI – середины – второй половины XIII в. М.В. Дмитриенко анализирует одно из погребений могильника, где были найдены фрагменты скрученной бронзовой проволоки, по мнению исследовательницы, являющиеся остатками нательного креста. Опираясь на эту находку, высказывается мысль о распространении христианства среди незначительной части населения, оставившего могильник [Дмитриенко М.В., 2000]. Для некоторых категорий погребального инвентаря И.В. Волков устанавливает принадлежность к населению древнерусского происхождения, датируя могильник временем от монгольского завоевания до 1260-х гг. [Волков И.В., 2003, с. 111, 114].

Полная публикация материалов Мартышкиной Балки была осуществлена И.В. Гудименко и Р.В. Прокофьевым [Гудименко И.В., Прокофьев Р.В., 2011], погребальный обряд и большая часть категорий погребального инвентаря проанализированы в отдельной статье [Прокофьев Р.В., 2009]. По мнению Р.В. Прокофьева, могильник относится к середине XII – XIII в. Узкая датировка памятника 30 – 60-ми гг. XIII в., предложенная И.В. Волковым, противоречит хронологии погребального инвентаря. Кроме того, учитывая общее количество погребений могильника и уровень ежегодной смертности при столь малом временном отрезке, численность населения, оставившего могильник, получается весьма значительной, даже превышающей численность беловежского населения, что для рядового степного поселения кажется маловероятным [там же, с. 115].

Погребальный обряд свидетельствует о христианской принадлежности могильника и довольно слабом, практически неощутимом влиянии салтовских традиций. Население, оставившее могильник, представляется полиэтничным, со значительным влиянием древнерусского элемента при наличии отдельной группы, связанной с Кавказом. Детали погребального обряда связывают его с такими грунтовыми могильниками как Мамай-Сурка, Благовещенка и Каменка на Нижнем Днепре, Новохарьковский на Среднем Дону, русское кладбище Водянского городища на Нижней Волге, некрополь у церкви Иоанна Предтечи в Керчи и аланский могильник на городище Верхний Джулат [там же, с. 113].

Появление древнерусского населения на Нижнем Дону связывается И.В. Волковым, также как и А.В. Гадло, с историей Тмутараканского княжества. Только у А.В. Гадло это явление выглядит как результат экономического развития русского княжества и приходится по времени на пору его расцвета, тогда как И.В. Волков объясняет отток древнерусского населения из южного Приазовья на Дон с прекращением существования этого политического образования и восстановлением власти Византии на Тамани на рубеже XI – XII вв. [Волков И.В., 2003, с. 109].

Основные сведения по истории изучения и краткие результаты раскопок древнерусских поселений побережья Таганрогского залива приведены в статье В.А. Ларенок [Ларенок В.А., 2005, с. 105 – 107]. Куричи, Самбек, Семеновская крепость и Натальевка рассматриваются как ремесленные и торговые центры, снабжавшие собственной продукцией и заморскими товарами кочевое половецкое окружение. Интересное наблюдение сделано над топографией рассматриваемых памятников. Располагаясь на противоположных берегах

впадающих в залив рек, поселения образуют пары – Самбек и Куричи в устье р. Самбек, Натальевка и Семеновская крепость в устье Миуса [там же, с. 108].

Анализ остеологических материалов Семеновской крепости и Казачьего Ерика позволил Ю.Я. Мягковой констатировать одинаковую направленность хозяйственного развития этих поселений, из чего следовал вывод об их сходном этническом составе [Мягкова Ю.Я., 2002, с. 140].

Интересные данные получены И.В. Волковым при сопоставлении средневековых поселений Приазовья с названиями на итальянских портоланах. Так, им было установлено, что поселение на территории Семеновской крепости носило название Кабарди, Самбекское или Куричанское поселения соответствуют Порто-Пизано, а поселение у х. Казачий Ерик – Кассар ди Росса. Река Миус называлась рекой Росса, а дельта Дона – остров Маграмиссо [Волков И.В., 1996(б), с. 30 – 31; 1998, с. 51 – 52; 2005, с. 123 – 126].

Основываясь на разработанной им линии эволюционного развития средневековой амфорной тары [он же, 1989; 1992; 1994; 1996(а)], И.В. Волковым была проведена более узкая датировка и других древнерусских поселений региона, разделенных им на две культурно-хронологические группы. К первой, ранней группе, датируемой второй половиной XII в., относятся поселения Натальевка I и Казачий Ерик. Датировка последнего, впрочем, может быть несколько шире – 1130 / 1150 – 1240 гг. [он же, 1998, с. 50; 2003, с. 111]. Как видно, возраст этого памятника несколько омолодился в сравнении с ранее предложенной автором первых раскопок А.В. Гадло датировкой XI – XII вв. [Гадло А.В., 1964, с. 42]. Временем «от монгольского завоевания» (без какого-либо уточнения) до 1260-х гг. датируется вторая группа поселений, куда входят Семеновская крепость, Самбек, Куричи и Кобяково. Причем из них дольше всех просуществовало Куричанское поселение, немного выходя за очерченные для всей группы хронологические рамки – до конца XIII в. [Волков И.В., 2003, с. 111].

Отмеченный выше разнобой в датировках Казачьего Ерика разными исследователями характерен и для остальных древнерусских поселений. Более всего это касается Куричей, которые по результатам первых раскопок были предварительно датированы XI – XII вв. [Числова В.А., 1983, с. 129]. Позднее, на основании анализа различных типов найденной там керамики время жизни поселения было существенно расширено до второй половины X – конца XIII – начала XIV вв. [там же, с. 132], что некоторое время было принято и автором последующих раскопок С.В. Рязановым [Рязанов С.В., 1990(а), с. 110], позднее придерживавшегося иной даты – XII – XIII вв. [он же, 1994(б), с. 127].

Относительная хронология и время существования ряда древнерусских поселений Северо-Восточного Приазовья на основании анализа поливной керамики, найденной при их раскопках, были определены В.А. Ларенок (Числовой) [Ларенок В.А., 1994; 1998; 2001]. При этом установленные ею даты и хронологическая характеристика ряда поселений заметно отличается от хронологии И.В. Волкова, построенной на амфорной керамике. Так, наиболее ранним и дольше всего просуществовавшим поселением В.А. Ларенок считает Куричи (вторая половина XI – XII / XIII или просто XI – XIII вв.), которое И.В. Волков, напротив, относит ко второй, поздней группе (1240-е – конец XIII в.),

впрочем, соглашаясь с тем, что оно просуществовало дольше всех остальных древнерусских поселений. Натальевка I датируется по поливной керамике XII – XIII или XII – концом XIII вв., а по амфорам принадлежит к ранней группе поселений 1130 / 1150 – 1240 гг. Примерное совпадение датировок наблюдается лишь для Самбека и Семеновской крепости, которые оба исследователя считают синхронными, датируя в широких рамках XIII в. (Самбек, может быть, с конца XII) или более узко 1240-е – 1260-е гг.

Помимо поливной и амфорной керамики, предметом специальных исследований стали и некоторые другие категории инвентаря древнерусских поселений Приазовья. С.В. Рязановым была предпринята попытка разработки классификации местной гончарной керамики [Рязанов С.В., 1994(б)] и металлических изделий, а также проведен анализ микроструктуры железных изделий, позволивший установить, что уровень развития кузнечного дела на Куричах более близок сельским памятникам, чем городскому ремеслу Древней Руси [он же, 1994(а)].

Проведенный Р.В. Прокофьевым анализ химического состава стеклянных браслетов Самбекского городища позволил установить, что основу импорта стеклянных браслетов Самбека составляла продукция киевских мастерских как русской, так и византийской школы. В небольшом количестве сюда попадала и продукция стеклоделательных мастерских Любеча. Сходное соотношение различных групп стеклянных браслетов Самбека и Донецкого городища наводит на мысль, что импорт киевских и любечских браслетов осуществлялся на Самбек через Донецкое городище [Прокофьев Р.В., 2005(г)].

ЛИТЕРАТУРА

Андреев О.И., 2012. Расселение славян на Дону в VIII – XII веках // VII Межвузовская археологическая конференция студентов и аспирантов Юга России (тезисы докладов). Ростов-на-Дону.

Артамонов М.И., 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону (По материалам Северо-Кавказской экспедиции). Л. (ИГАИМК. Вып. 131).

Артамонов М.И., 1940. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // СА. Т. VI.

Артамонов М.И., 1941. Станица Цымлянская, 1934 – 1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.

Артамонов М.И., 1949. Новые раскопки Саркела-Белой Вежи // ВИ. № 10.

Артамонов М.И., 1951(а). Археологические исследования в зоне будущего Цимлянского водохранилища // Вестник ЛГУ. № 2.

Артамонов М.И., 1951(б). Белая Вежа – русская колония в степях Подонья // КСИИМК. № 41.

Артамонов М.И, 1951(в). Раскопки Саркела – Белой Вежи в 1950 г. // ВИ. № 4.

Артамонов М.И., 1952. Белая Вежа // СА. Т. XVI.

Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I (МИА. № 62). М.; Л.

Арциховский А.В., 1938. Лекции по археологии. Ч. II. М.

Багалей Д.И., 1882. История Северской земли до половины XIV ст. Киев.

Байгушева В.С., 2002. Костный анализ животных жилищ и ритуальных комплексов домонгольского времени Нижнего Дона (Мартышкина Балка, раскопки Гудименко И.В. 1994 – 1995 гг.) // ИАИАНД в 2001 г. Вып. 18.

Бакушев М.А., Ларенок П.А., 2009. Раннесредневековое поселение Журавка (в 100 километрах к северо-западу от Саркела) // АЗ. Вып. 6.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.

Барсов Н.П., 1885. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд. Варшава.

Белецкий В.Д., 1959. Жилища Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II (МИА № 75). М.; Л.

Братченко С.Н., Швецов М.Л., 1984. Средневековый могильник у ст. Багаевской // СА. № 3.

Брун Ф., *1879*. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. I. Одесса.

Булыгин В., 1836. О названии и местоположении Саркела или Белой Вежи // ЖМНП. Ч. IX, февраль.

Бурачков П., 1877. Опыт исследования о Куманах или Половцах // ЗООИД. Т. 10.

Бутков П.Г., 1840. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб.

Васильевский В.Г., 1889. О построении крепости Саркела // ЖМНП. Ч. CCLXV. СПб.

Вернадский Г.В., 1996. Древняя Русь. Тверь; М.

Вестберг Ф., 1910. Записка Готского топарха. СПб.

Волков И.В., 1989. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада. Ростов-на-Дону.

Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов.

Волков И.В., 1994. Импорт из Святой Земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Ростов-на-Дону.

Волков И.В., 1996(а). Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Вып. 10. Материалы научной конференции (Новгород, 23 – 25 января 1996 г.). Новгород.

Волков И.В., 1996(б). Топонимы итальянских портоланов XIII – XV вв. и реальный контекст // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск.

Волков И.В., 1998. Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье в 1995 – 1997 гг. // ИАИАНД в 1995 – 1997 гг. Вып. 15.

Волков И.В., 2003. Поселения Приазовья в XII – XIII веках // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М.

Волков И.В., 2005. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240 – 1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. Сборник научных трудов. Т. 1. Киев.

Гадло А.В., 1964. Поселение XI – XII вв. в дельте Дона // КСИА. Вып. 99.

Гадло А.В., 1971. Восточный поход Святослава // Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию профессора В.В. Мавродина. Л.

Гадло А.В., 1973. О начале славяно-русской миграции в Приазовье и Таврику // Славяно-русская этнография. Сборник статей. Л.

Гадло А.В., 2002. Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии (История идеи) // Сборник русского исторического общества. Т. 4 (152). От Тмутороканя до Тамани. М.

Гадло А.В., 2004. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.

Голубовский П., 1881. История Северской Земли до половины XIV столетия. Киев.

Готье Ю.В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.

Гудименко И.В., 1995. Отчет о спасательных археологических раскопках могильника «Мартышкина балка» у пос. Овощной (Обильный) Азовского района Ростовской области в 1994 году / Архив Азовского краеведческого музея – АА 5285, КВФ № 11958/1; АА 5286-87, КВФ № 11958/2-3.

Гудименко И.В., 1997(а). Отчет о спасательных археологических раскопках поселения и могильника «Мартышкина балка» у пгт. Овощной (Обильный) Азовского района Ростовской области в 1995 году / Архив Азовского краеведческого музея – АА 6362, КВФ № 12205/1; АА 6363, КВФ № 12205/2.

Гудименко И.В., 1997(б). Спасательные археологические раскопки в городе Азове и Азовском районе // ИАИАНД в 1994 г. Вып. 14.

Гудименко И.В., 1998. Итоги археологических исследований отряда «Дельта» экспедиции Азовского краеведческого музея в г. Азове и Азовском районе в 1995 – 1996 гг. // ИАИАНД в 1995 – 1997 гг. Вып. 15.

Гудименко И.В., 2004. Итоги археологических исследований поселений Закатное-I и Закатное-II у станицы Митякинской Тарасовского района Ростовской области в 2003 г. // ИАИАНД в 2003 г. Вып. 20.

Гудименко И.В., Прокофьев Р.В., 2011. «Мартышкина балка» (материалы средневекового грунтового могильника) // АЗ. Вып. 7.

Далли О., Шунке Т., 2009. Греки на Дону – предварительные результаты германо-российских раскопок в Таганроге (2004 – 2007) // АЗ. Вып. 6.

Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло / Вступ. статья, коммент. М.Б. Горнунга, пер. И.М. Минаева. М., 1997.

Дмитриенко М.В., 2000. Христианское погребение домонгольского времени средневекового могильника Мартышкина Балка // ИАИАНД в 1998 г. Вып. 16.

Дорн Б., 1875. Каспий. О походах древних русских в Табаристан // Записки Императорской академии наук. Т. XXVI. Приложение 1. СПб.

Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. X. Протоколы. М., 1885.

Дулимов Е.И., Цечоев В.К., 2001. Славяне средневекового Дона (к вопросу о предпосылках формирования казачьей государственности). Ростов-на-Дону.

Завершинская М.П., 2015. О проведении археологической разведки на территории Кобяковой (Пороховой) балки на восточной окраине г. Ростова-на-Дону в 2015 г. // X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Материалы конференции. Ростов-на-Дону.

Зверев С.Е., 1899. Следы христианства на Дону в домонгольский период // Труды Десятого археологического съезда в Риге 1896 г. Т. I. М.

Иловайский Д.И., 1876. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.

Ильин А.А., 1924. Топография кладов древних русских монет X – XI в. и монет удельного периода с двумя картами и одной таблицей. Л. (Труды нумизматической комиссии РАИМК. Вып.V).

Капошина С.И., 1962. Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.

Карамзин Н.М., 1830. Примечания к V тому Истории Государства Российскаго // *Карамзин Н.М.* История Государства Российскаго. Т. V. СПб.

Качевский П.С., 2004. Оседлое население Северо-Восточного Приазовья в эпоху Древней Руси // Научная мысль Кавказа. Приложение. № 9. Ростов-на-Дону.

Колесникова Т.В., 2004. Новый погребальный комплекс салтово-маяцкого времени на Нижнем Дону // ИАИАНД в 2003 г. Вып. 20.

Копылов В.П., Ларенок П.А., 1994. Таганрогское поселение (Каталог случайных находок у каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988 – 1994 гг.). Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. II. Ростов-на-Дону.

Коршиков Н.С., Миненков Н.А., 1999. Новые документы о Правобережном Цимлянском городище // Донская археология. № 1. Ростов-на-Дону.

Косяненко В.М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956 – 1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов.

Крайсветный М.И., 2000. Работы Новочеркасского исторического комитета // ИАИАНД в 1998 г. Вып. 16.

Крайсветный М.И., 2001. Работы Новочеркасского исторического комитета на Золотовском городище в 1999 – 2000 гг. // ИАИАНД в 1999 – 2000 гг. Вып. 17.

Крайсветный М.И., 2002(а). Работы на Золотовском городище в 2001 году // ИАИАНД в 2001 г. Вып. 18.

Крайсветный М.И., 2002(б). Работы на Золотовском городище в 2001 году // Нижний Дон – этнические контакты. Сборник научных докладов IV Донских археологических чтений, посвященных памяти Беспалого Е.И. Ростов-на-Дону.

Крайсветный М.И., 2006. Работы Новочеркасского исторического комитета в 2004 году // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21.

Крылов А.Л., 1889. О старине Донской области // Труды VI Археологического съезда. Т. IV. Одесса.

Кудряшов К.В., 1947. О местонахождении хазарского города Саркел // Известия АН СССР. Серия история и философия. Т. IV. № 6. М.

Кудряшов К.В., 1948(а). Половецкая степь // Записки Всесоюзного географического общества. Т. 2. М.

Кудряшов К.В., 1948(б). Северное Причерноморье в IX – XII вв. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. IV. М.

Кудряшов К.В., 1953. К вопросу о местонахождении Саркела // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 85. Вып. 4. М.

Ламанский В.И., 1859. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании // Ученые записки Второго отделения Академии Наук. Кн. V. СПб.

Ларенок В.А., 1994. Поливная керамика Семеновской крепости // ИАИАНД в 1992 г. Вып. 12.

Ларенок В.А., 1996. Отчет о раскопках поселений у х. Ломакин и с. Натальевка в Неклиновском районе Ростовской области в 1995 г. / Архив ТЛИАМЗ.

Ларенок В.А., 1998. Поливная керамика средневековых поселений Северо-восточного Приазовья // Древности Кубани. Вып. 10. Краснодар.

Ларенок В.А., 2001. Импорт поливной керамики на средневековых поселениях Северо-Восточного Приазовья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX Международной научной конференции 25 – 30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону.

Ларенок В.А., 2005. Средневековые поселения Нижнего Дона // АЗ. Вып. 4.

Ларенок П.А., 1976. Первый год раскопок на городище Самбек / Архив РОМК.

Ларенок П.А., 1977. Второй год раскопок на городище Самбек / Архив РОМК.

Ларенок П.А., 1978. Отчет об охранных раскопках на городище Самбек Неклиновского района Ростовской области в 1977 году / Архив РОМК.

Ларенок П.А., 1979. Отчет об исследованиях археологической экспедиции музея в 1978 году / Архив РОМК.

Ларенок П.А., 1983(а). Хронология средневекового слоя городища Самбек // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

Ларенок П.А., 1983(б). Левобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону // СА. № 3.

Ларенок П.А., 1992. О славянских поселениях на Нижнем Дону в эпоху Хазарского каганата // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VI научной конференции. Ростов-на-Дону.

Ларенок П.А., 1994. Охранные раскопки Семеновской крепости // ИАИАНД в 1992 г. Вып. 12.

Ларенок П.А., 1998(а). Раскопки Таганрогской археологической экспедиции и Донского археологического общества в 1995 – 1997 гг. // ИАИАНД в 1995 – 1997 гг. Вып. 15.

Ларенок П.А., 1998(б). Таганрогский мыс и Порто-Пизано XI – XIV вв. // Энциклопедия Таганрога. Ростов-на-Дону.

Ларенок П.А., 2002. Археологическая экспедиция Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры на рубеже веков // ИАИАНД в 2001 г. Вып. 18.

Ларенок П.А., 2009. Несколько замечаний о результатах работ российско-немецкой археологической экспедиции в г. Таганрог в 2004 – 2007 гг. // АЗ. Вып. 6.

Лерберг А.Х., 1819. Исследования, служащие к объяснению древней Русской истории. СПб.

Лунин Б.В., 1962. Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.

Ляпушкин И.И., 1941. Славяно-русские поселения IX – XII вв. на Дону и Тамани // МИА. № 6. Этногенез восточных славян. М.; Л.

Ляпушкин И.И., 1958(а). Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I (МИА. № 62). М.; Л.

Ляпушкин И.И., 1958(б). Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница. // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I (МИА. № 62). М.; Л.

Мавродин В.В., 1938. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X – XIV веках // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Серия история. Т. XI. Л.

Масловский А.Н., 1997. Грунтовый могильник «Мартышкина Балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // ИАИАНД в 1994 г. Вып. 14.

Масловский А.Н., 2006. О времени возникновения Азака // ИАИАНД в 2005 г. Вып. 22.

Масловский А.Н., 2007. Керамический комплекс низовьев Дона в XI – XV вв.: типология и хронология (Рукопись дисс. … канд. ист. наук). М.

Масловский А.Н., 2008. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // ИАИАНД в 2006 г. Вып. 23.

Масловский А.Н., 2010. Северо-Восточное Приазовье в VIII – XV вв. // Большой Ромбит. Сборник статей по истории и исторической географии Восточного Приазовья. Ейск.

Миллер А.А., 1924. Краткий предварительный отчет о работах Северо-Кавказской Экспедиции Российской Академии Истории Материальной Культуры в 1924 г. / Архив ИИМК РАН, Ф-2, оп. 1, 1924, № 102, дело № 45.

Миллер А.А., 1925. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской Экспедиции Академии в 1923 г. // ИГАИМК. Т. IV. Л.

Миллер А.А., 1926(а). Краткий отчет о работах Северо-Кавказской Экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры в 1924 и 1925 годах // СГАИМК. Вып. 1.

Миллер А.А., 1926(б). Краткий отчет об археологических работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 г. / Архив ИИМК РАН, Ф-2, оп.-1, 1926, № 104, листы 33 – 41, 103 – 144.

Миллер А.А., 1929. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК. Вып. 2.

Миллер М.А., 1927. Самбекское городище // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Кн. 1. Т. III. Вып. 2. Ростов-на-Дону.

Монгайт А.Л., 1963. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М.

Морошкин М.Я., 1861. Исследование покойного академика Буткова о Тмутаракани и Тмутараканском камне // Известия Императорского Археологического общества. Т. II. Вып. 5 – 6. СПб.

Мягкова Ю.Я., 2002. Эколого-этнические аспекты в использовании млекопитающих в двух средневековых поселениях // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции 29 мая – 3 июня 2001 г. Ростов-на-Дону.

Мягкова Ю.Я., 2003. Роль охоты и животноводства на примере поселения Полное // VI Донские археологические чтения. Сборник научных докладов. Ростов-на-Дону.

Мягкова Ю.Я., 2009. Животные поселений Журавка и Терновое // АЗ. Вып. 6.

Мягкова Ю.Я., 2013. Остеологический материал поселений и городищ хазарского времени на Нижнем Дону // Хазарские древности. Сборник научных статей. Аксай.

Науменко В.В., 2002. В.В. Часовников – один из сподвижников и оранизаторов Донского музея // Краеведческие записки. Вып. 5. Новочеркасск.

Нидзельницкая Л.Ю., 2009. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону.

Пархоменко В.А., 1924. У истоков русской государственности (VIII – XI вв.). Л.

Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II (МИА. № 75). М.; Л.

Плетнева С.А., 1961. Отчет Северо-Донецкого отряда летом 1961 г. Разведка в Таганрогском районе / Архив ИА АН, Р1 № 2242.

Плетнева С.А., 2000. О заселении славянами Саркела – Белой Вежи // Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.

Плетнева С.А., 2006. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж.

Погодин М., 1866. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. Ч. II. М.

Полное собрание русских летописей. Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб., 1897.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Том шестой. Записки Путешествия Академика Фалька. СПб., 1824.

Попов Х.И., 1871. Сведения о древних памятниках, находящихся в Земле Войска Донского // Труды Первого археологического съезда в Москве 1869 г. Т. I. М.

Попов Х.И., 1895. Где находилась хазарская крепость Саркел // Труды IX Археологического съезда. Т. I. М.

Попов Х.И., 2005. Где находилась хазарская крепость Саркел? // АЗ. Вып. 4.

Прокофьев Р.В., 2000. Отчет «Археологическая разведка нижнего течения р. Северский Донец в Белокалитвенском районе Ростовской области» / Архив РОМК.

Прокофьев Р.В., 2002(а). Алано-славянское поселение «Полное» в бассейне Северского Донца // Нижний Дон – этнические контакты. Сборник научных докладов IV Донских археологических чтений, посвященных памяти Беспалого Е.И. Ростов-на-Дону.

Прокофьев Р.В., 2002(б). Отчет об археологических раскопках поселения «Полное» в Миллеровском районе Ростовской области в 2001 году / Архив РОМК.

Прокофьев Р.В., 2003(а). Отчет об археологических раскопках поселения «Длинное» в Белокалитвенском районе Ростовской области в 2002 году / Архив РОМК.

Прокофьев Р.В., 2003(б). Отчет об археологических раскопках поселения «Полное» в Миллеровском районе Ростовской области в 2002 году / Архив РОМК.

Прокофьев Р.В., 2004. Отчет об археологических раскопках поселения «Полное» в Миллеровском районе Ростовской области в 2003 году / Архив РОМК.

Прокофьев Р.В., 2005(а). Раскопки древнерусского поселения на Северском Донце. Предварительные итоги // АЗ. Вып. 4.

Прокофьев Р.В., 2005(б). Отчет об археологических раскопках поселения «Полное» в Миллеровском районе Ростовской области в 2004 году / Архив РОМК.

Прокофьев Р.В., 2005(в). Отчет об археологических раскопках поселения «Длинное» в Белокалитвенском районе Ростовской области в 2004 году / Архив РОМК.

Прокофьев Р.В., 2005(г). Стеклянные браслеты Самбекского поселения // АЗ. Вып. 4.

Прокофьев Р.В., 2006(а). Древнерусское сезонное селище «Приморка II» в Северо-Восточном Приазовье // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк.

Прокофьев Р.В., 2006(б). Отчет об археологических раскопках поселения «Натальевка I» в Неклиновском районе Ростовской области в 2005 году / Архив ТЛИАМЗ.

Прокофьев Р.В., 2007(а). Поселение IX в. на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Подонье // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим.

Прокофьев Р.В., 2007(б). Славянское поселение Полное на Нижнем Дону. Вопросы планировки // АЗ. Вып. 5.

Прокофьев Р.В., 2008(а). Отчет об археологических раскопках поселения «Длинное» в Белокалитвенском районе Ростовской области в 2007 году / Архив Аксайского военно-исторического музея.

Прокофьев Р.В., 2008(б). Отчет об археологических разведках с шурфовками в Азовском и Белокалитвенском районах Ростовской области в 2007 году / Архив Аксайского военно-исторического музея.

Прокофьев Р.В., 2009. Средневековый грунтовый могильник Мартышкина Балка на Нижнем Дону // РА. № 3.

Прокофьев Р.В., 2012. Некоторые результаты археологических обследований 2010 года // ИАИАНД в 2010 г. Вып. 26.

Прокофьев Р.В., 2013. К оценке примерной продолжительности жизни славянского поселения «Полное» на Нижнем Дону // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции. Саратов.

Пудавов В.М., 1890. История войска Донского и старобытность начал казачества. Вып. 1. Новочеркасск.

Рогудеев В.В., 2002. Исследования в Аксайском, Красносулинском и Тарасовском районах Ростовской области в 2001 году // ИАИАНД в 2001 г. Вып. 18.

Рогудеев В.В., 2005. Славянское поселение у ст. Митякинская // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. II. Ростов-на-Дону.

Рязанов С.В., 1987. Отчет о работе археологического отряда Таганрогского музея-заповедника в 1986 г. / Архив ТЛИАМЗ, фонд «Археологические памятники», №53. Архив ИА РАН. Р-1. № 11328.

Рязанов С.В., 1988. Отчет о работе археологического отряда Таганрогского музея-заповедника в 1987 г. / Архив ТЛИАМЗ, фонд «Археологические памятники», №54, 58. Архив ИА РАН. Р-1. № 12480.

Рязанов С.В., 1989. Отчет о раскопках Куричанского поселения в 1988 г. / Архив ТЛИАМЗ, фонд «Археологические памятники», №№ 55, 58а. Архив ИА РАН. Р-1. № 13518.

Рязанов С.В., 1990(а). Гончарная печь на Куричанском поселении // ИАИАНД в 1989 г. Вып. 9.

Рязанов С.В., 1990(б). Отчет о работе археологического отряда Таганрогского музея-заповедника в 1989 г. / Архив ТЛИАМЗ, фонд «Археологические памятники», № 58. Архив ИА РАН. Р-1. № 15221.

Рязанов С.В., 1991. Славянское поселение близ г. Таганрога // ИАИАНД в 1990 г. Вып. 10.

Рязанов С.В., 1994(а). Металлические изделия Куричанского поселения // ИАИАНД в 1993 г. Вып. 13.

Рязанов С.В., 1994(б). Неполивная керамика славянского (Куричанского) поселения близ Таганрога // Краеведческие записки. Вып. 1. Новочеркасск.

Сизов В.И., 1889. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // Труды VI Археологического съезда. Т. IV. Одесса.

Смирнов А.П., 1958. К вопросу об истоках Приазовской Руси // СА. № 2.

Сотникова М.П., 1971. Неразысканные экземпляры русских монет X – XI вв. К корпусу древнейших русских монет // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика. Вып. 4. Л.

Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X – XI веков. Л.

Спасский И.Г., 1978. Древнерусские монеты из Белой Вежи и медаль в память взятия Саркела // Проблемы археологии. Вып. 2. Сборник статей в память профессора М.И. Артамонова. Л.

Спицын А.А., 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. Кн. VIII. СПб.

Срезневский И.И., 1860. Русское население степей и южного Поморья в XI – XIV вв. // Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка. Т. VIII. Вып. 4. СПб.

Сухоруков В.Д., 1903. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск.

Толстой И.И., 1882. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб.

Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1 – 3 (МИА. №№ 62, 75, 109). М.; Л, 1958, 1959, 1963.

Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. Т. II. М., 1905.

Флеров В.С., 1969. Средневековое поселение на Нижнем Дону // АО – 1968.

Флеров В.С., 1970. Альбом к отчету экспедиции Таганрогского музея 1970 г. / Архив ТЛИАМЗ, фонд «Археологические памятники», № 28.

Флеров В.С., 1971. Поселение VIII – IX вв. у ст. Богоявленской // СА. № 2.

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.
Цечоев В.К., 2000. Славяне на Дону VIII – начала XIII вв. Дисс. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону.
Чалый В.В., 1984. Работы в Азове и дельте Дона // АО – 1983.
Часовников В.В., 1888. Цымлянские городища // Журнал «Дон». № III. Новочеркасск.
Числова В.А., 1983. Поливная керамика в Куричанском поселении // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
Шабельской Л., 1848. Историческое описание реки Севернаго-Донца, близ Святых гор // ЗООИД. Т. 2.
Шенников А.А., 1987. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV – XVI вв. Л.
Шеф А.В., 2006. Отчет об археологических раскопках местонахождения «Приморка II» и поселения «Манучкина Балка IV» в Неклиновском районе Ростовской области / Архив Ростовской региональной общественной организации «Донское археологическое общество».

Summary

The article presents a detailed historiographical review of all currently known Slavic-Russian monuments VIII – XIII centuries of the Lower Don and the North-Eastern Azov region. Among the early medieval Slavic settlement are Sarkel, Blizhnaya Melnitsa, Bogoyavlenskaya, Polnoe, Zakatnoe I, and presumably Masalovskoe IX and Zhuravka. Monuments with Ancient Rus materials are Belaya Vezha, settlement at the mouth of the river Donskaya Tsaritsa, Potaynovskoe, Karaul, Dlinnoe, Bogatov I, Zolotovskoe, Razdorskaya, Bagevskaya, Kobyakovo, Donetskaya krepost', Mokro-Chaltyrskoe, Primorka II, Kurichi, Sambek, Taganrogskoe, Nosovo-STF, Semyonovskaya krepost', Natalievka I, Rogozhkino XII, Donskoy I, Petrovsky, Azak, Kazachiy Erik, Koysugskoe settlement and ground cemetery Martishkina Balka. Analyzing the results of the previous years works, it is stated varying degrees of knowledge of these monuments. There is a shortage of the source base, associated with small amounts of excavation work and, generally, low understanding of already accumulated data. This is due to the incompleteness of published materials, and with irregular treatment of researchers in this subject. Particular note is paid to Sarkel – Belaya Vezha as the most significant monument, which was the starting point in the study of Slavic-Russian antiquities of the region since the XVIII century. The article also considers the points of view on the causes and features of Slavic penetration in the Lower Don.

Keywords: Lower Don, North-Eastern Azov region**,** Medieval period, Slavic-Russian archeological resources, Khazarian khaganate, Ancient Rus', romenskaya culture, borshevskaya culture, settlement, burial cemetery, subterranean house, stone furnace, wattle-and-daub kiln, pottery kiln, smithing, hand-made pottery, pottery, glazed ware, amphora, glass bracelet.